

30.546

Н. И. ШТИФ

ПОГРОМЫ НА УКРАИНЕ

(ПЕРИОД ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ)

БЕРЛИН 1922

~~40966~~

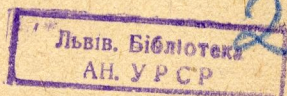
06
10

Н. И. ШТИФ

30.546

ПОГРОМЫ НА УКРАИНЕ

(ПЕРИОД ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ)

~~40906~~

Бр. 70/11-166. 08. 1940 г.
Львів. обл. 1940 г.
Дел. 1/52

1 9 2 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВОСТОК», БЕРЛИН
AN DER SPANDAUER BRÜCKE 2

T3(24K)712-49

COPYRIGHT BY
WOSTOK (DER OSTEN), VERLAG G. m. b. H., BERLIN 1922.

ТИПОГРАФИЯ МАКС ШМЕРЗОВ, КИРХГАЙН Н.-Л.

Предисловие.

Настоящая работа написана в Киеве в марте 1920 г. по свежим следам Деникинщины, оставившей по себе печальную память в умах и сердцах даже групп и лиц, раньше расположенных к Добровольческой Армии, видевших в этой армии «спасительницу» России. Обманутыми почувствовали себя все, если не считать небольшой группы более дальновидных активных борцов против этого режима или пассивных пессимистов; для еврейского же населения Украины это был сплошной кошмар зверств, крови и позора, беспримерных даже в исключительно-богатом погромном мартирологе 1919 г. на Украине. Кровавый кошмар рассеялся, и явилась потребность подвести некоторые итоги.

Работа эта имела тогда определенное назначение: осведомление Европы, в частности, еврейства Запада и Америки, о произведенном опустошении в среде украинского еврейства. В качестве члена редакционной коллегии по собиранию и разработке материалов о погромах на Украине, ¹ я имел в моем распоряжении тогда уже сравнительно-богатый

¹ Коллегия эта возникла в 1919 г. по инициативе и при содействии киевского центрального еврейского комитета помощи погромленным и после ликвидации этого комитета сохраняла связь с разными еврейскими общественными организациями.

материал, касающийся добровольческих погромов в 84 еврейских общинах. Этот материал, перечень которого дан в конце книги и к оценке которого придется еще вернуться, лег в основу настоящей работы. Удручающая картина погромного мастерства Добровольческой Армии оказалась такой однообразной в своих проявлениях в многочисленных городах и местечках, что, с моей точки зрения, представлялось совершенно излишним давать описания отдельных погромов, описания, неизбежно повторявшие одни и те же черты. Гораздо целесообразнее и обозримее мне казалось — дать характеристику этих основных черт, того типичного, что заключается во всей погромной деятельности добровольцев, выявить, так сказать, данный погромный стиль по известным признакам (военный характер погромов, пытки, массовое изнасилование женщин, искоренение еврейских общин и т. д.), предпослав этому описание погромного размаха, от «тихих погромов» до массовой резни, нарастание и убывание погромной волны в разные моменты. Картина оказалась такой типичной, что, впоследствии, весной текущего года, когда я вновь вернулся к этому предмету с новым материалом о погромах в других, ранее-необследованных пунктах (отчасти в уже ранее-известных), мне ничего не пришлось изменить, ничего существенного прибавить. Оставалось только дополнить в тексте перечни пунктов, к которым относятся те или иные типичные погромные черты, да еще (в приложении) общий список разгромленных мест. Это еще больше убедило меня в правильности как моего представления о характере добровольческих погромов, так и избранного мною

метода. Описание от этого выиграло в концентрированности и ясности.

Таково происхождение первой чисто-описательной части моей работы.

Что касается второй части («Причины погромов»), то она явилась вследствие внутренней потребности осмыслить происшедшее, найти ключ к происхождению описанных событий, отчасти вследствие необходимости сделать их более убедительными для непосвященных, особенно для незнакомых с российско-украинскими условиями вообще, которым эти события в их изолированном виде, вне связи со всей идеологией и практикой добровольчества, должны казаться почти невероятными. Необходимо было показать внутреннюю, органическую связь погромов, как части военного быта, с военной и социально-политической программой Добровольческой Армии. Только на фоне этой программы можно представить себе этот погромный кошмар, ибо погромы, как я старался доказать, являются здесь не изолированным явлением, а звеном в цепи. Если военная часть программы Добровольческой Армии заключалась, естественно, в военном свержении власти большевиков, то социально-политическая часть ее заключала в себе все признаки реставрации, возврата к России дореволюционного периода. Это сказалось в отношении добровольцев к трем основным вопросам российской жизни: аграрному, рабочему и окраинно-национальному. Возврат земли помещикам, подавление рабочего движения и открытая руссификация, полное презрение к жизненным национальным нуждам «инородцев», — таковы три кита этой программы. В этой программе еврейское

бесправие и рабство были неотъемлемой органической частью. Такова логика реакции всех времен, всех народов. В частности к этой логике и, еще больше, к тактике реакции, особенно в критические эпохи обостренной борьбы за власть, принадлежит огульное отнесение евреев к «врагам народа», с которыми нужно вести беспощадную борьбу всеми средствами. От такой борьбы один шаг к расправе с беззащитным, к «народному гневу», и немецкие националисты ныне проповедуют, и не без успеха, в Германии то, что добровольцы делали 3 года тому назад на Украине.

Погромы — это реакция реставраторов на еврейское равноправие, достигнутое в ненавистной революции, первый шаг к закреплению евреев, таков тот основной взгляд на происхождение добровольческих погромов, который проводится во 2-ой части моей работы. В глазах реакции еврей — существо по природе бесправное. Всякое посягательство на это бесправие вызывает негодование и жажду «восстановить попорченную справедливость». И это бесправие сказывается между прочим в том, что евреи не имеют права иметь в своей среде большевиков, то, что не может быть поставлено «в вину» никакому другому народу. Ответственность евреев по способу круговой поруки издавна излюбленный метод мышления реакции.

Такова идеология добровольческих погромов. Поистине, старая история, и в ней нет ничего нового, оригинального, не считая разве чисто-русского метода и масштаба расправы, примеры которым можно найти только в средневековьи или

в гайдамацких погромах на той-же Украине эпох 1648 и 1768 г. г.

Состав Добровольческой Армии (восточные полудикие племена осетин, чеченцев и т. п. и авантюристы-офицеры) и ее военный быт (нищета фронта и деморализация тыла) толкали эту армию на путь мародерства, грабежей и насилий. Историческая традиция направила эту разбойничью энергию на еврейское население. Генералы-политики в тиши думали мудро использовать эту погромную стихию, как для ублажения фронтовиков (единственный источник снабжения армии) и для привлечения пополнений, так и для более отдаленных целей, для свержения большевиков и закрепощения России. Такова та конкретная обстановка, в которой разыгрались чудовищные погромы. Генералы ошиблись в расчете: погромная стихия впоследствии обратилась против ее-же попустителей и вдохновителей, совершенно деморализовав, разложив армию. В этом также сказалась историческая слепота реакции и роковая ее обреченность.

Само собой разумеется, что в рамках настоящей работы я мог касаться всех этих общих вопросов только в самых общих чертах, не привлекая излишне-громоздкого материала и не входя в детали. Склонен, однако, думать, что в более пространным изложении и нужды не было. Реакционный характер белогвардейского движения в его целом, как мне кажется, достаточно уже выяснен для всех, думавших о судьбах России за последние 4 года. Позорный конец этого движения на всех фронтах — лишнее тому доказательство.

И в этой части работа моя в самом главном,

основном была закончена в 1920 г. Неоценимую услугу для правильного понимания идеологии Добровольческой Армии, особенно в программе ее по еврейскому вопросу и в об'яснении погромов, оказал мне.... В. В. Шульгин, редактор газ. «Киевлянин», идеолог и вдохновитель этой армии. Перу этого блестящего публициста принадлежат в «Киевлянине» этой эпохи такие ценные указания, такие об'яснения целей и путей Добровольческой Армии, особенно в еврейском вопросе, что, читая Шульгина, вы получаете характеристику Добровольческой Армии, ее дум и деяний в ее собственном изложении. Авторитет Шульгина, как тонкого знатока всего того, что касается Добровольческой Армии, и одновременно как преданнейшего борца за ее дело, стоит вне всяких сомнений, и для моих целей мне казалось вполне достаточным цитировать его, и только его. Весною текущего года, когда моя работа давно была закончена, я ознакомился с интересной во всех отношениях книгой К. Н. Соколова «Правление генерала Деникина» (София, 1921 г.). В ней автор, профессор, образованный государствовед, член деникинского правительства, и, следовательно, сам делавший добровольческую политику, оставшийся верным знамени белой диктатуры и ее методам и после ее бесславного конца (за исключением ее политики в аграрном вопросе, по соображениям «оппортунистическим»), повествует об этой диктатуре с откровенностью и ясностью, делающими ему честь. Здесь мы имеем, следовательно, аутентичное толкование белогвардейской программы и политики. Существенно-нового в сравнении с тем, что дано у Шульгина, там мало. Для меня, однако, важно

было то, что я получил у К. Н. Соколова авторитетное подтверждение высказанного мною уже раньше взгляда на сущность Добровольческой Армии, на происхождение и развитие ее погромного дела. Из книги К. Н. Соколова я заимствовал изложение принципов и практики Добровольческой Армии в основных вопросах российской жизни да еще некоторые указания, подтверждающие целиком цитированное у Шульгина или мои личные соображения, и этим я дополнил мое первоначальное изложение. Свидетельство таких двух авторитетов, как В. В. Шульгин и К. Н. Соколов, я счел исчерпывающим по главным вопросам добровольческой политики, в частности, и в еврейском вопросе, особенно в рамках моей настоящей работы. Этим я и ограничился. В таком виде: в виде анализа всей системы добровольчества моя работа вышла уже из рамок первоначального задания, и я счел уместным предложить ее ныне вниманию более широких кругов читающей публики.

Мне остается еще сказать несколько слов о характере материала, которым я пользовался для первой описательной части. Материал этот прежде всего оригинален, как в том смысле, что он нигде не опубликован, так и особенно, в том, что он собран с определенной целью по определенной программе. Цель эта была не политическая, а историческая. Редакционная коллегия, о которой выше уже было сказано, имела в виду не злобы дня, а историческую перспективу; ее целью было собрать, по возможности, все, что касается погромов на Украине, начиная с 1907 г., в возможно-правдивом изложении пострадавших, очевидцев, исследователей, в официальных документах вла-

стей, учреждений, организаций и т. д., как материал для большой исторической работы. В этом заключается основное достоинство материала, чуждого всякой газетной сенсации или партийно-политического расчета. Материал этот к тому же достаточно разнообразен, как в смысле затронутых в нем вопросов, так и в смысле источников, откуда он получился. О погроме (вернее, погромах) в одном и том же месте имеются часто параллельные материалы, собранные разными организациями по разным поводам и методам, чем дан контроль над описанными в этих материалах событиями. Контроль достигался длительным соприкосновением членов редакционной коллегии, как с пострадавшими и очевидцами, имевшимися в печальном изобилии в Киеве из множества разгромленных мест, так и с корреспондентами, исследователями редакций. К тому же опыт двух лет работы на Украине выработал у собирателей достаточно критического отношения к сообщениям, как очевидцев, так, особенно, исследователей. Нужно, однако, сказать, что специально в материалах, касающихся добровольческих погромов, есть что-то, что делает их убедительными и приемлемыми даже без строгого контроля, — это та типичность и повторяемость, о которой речь была уже выше, что-то от закона больших чисел. Когда сотни лиц из разных мест сообщают о погромах одно и то же почти в одних и тех же выражениях (чего совершенно нельзя сказать об описаниях погромов Петлюровских или бандитских), — то правдивость их в основном, главном очевидна, если не предположить массового психоза и внушения.

Если к этому еще прибавить большую группу

документов: приказов, об'явлений, распоряжений и т. д., исходящих от властей местных и центральных, протоколов, сообщений, докладов и т. п. разных организаций, в том числе и дружественных Добровольческой Армии, именные списки убитых, свидетельства врачей, пользовавшихся пострадавших, и т. д., — то перед нами единственная в своем роде коллекция материалов, достоинство которых даже для строго-научных обобщений бесспорно. Этот материал ждет еще своего опубликования, и тогда мир будет потрясен открывающимся зрелищем, но думаю, мне, что и то немногое, что теперь дано из него, по необходимости, в сжатом суммарном виде, достаточно убедительно.

Крупный формальный недостаток материала заключается в его односторонности: мы видели и слышали битых, а не бьющих. Привлечь последних к сообщению о своих делах и думах для нас, евреев, членов редакции, естественно, было невозможно. Уверен, однако, что даже в случае удачи, мы получили бы новый материал скорее для психологии, чем для истории. События в их бесспорной исторической об'ективности даны в достаточной мере у битых, а освещение этих событий, общая связь их со всей стихией и логикой добровольчества — у таких двух непререкаемых авторитетов, истолкователей и руководителей бьющих, как В. В. Шульгин и К. Н. Соколов.

Берлин, 17-го июля 1922 г.

Н. Штиф.

Источники.

При составлении настоящего очерка автор имел в своем распоряжении весь материал, имеющийся в архиве редакционной коллегии по собиранию и обследованию материалов о погромах на Украине и Белоруссии. Материал этот распадается на 2 группы:

I. Материалы собственно редакции. Сюда относятся:

1. Специальные обследования лиц, командированных редакцией в некоторые пострадавшие места. В виду отрезанности Киева от провинции и крайней опасности проезда по железным дорогам, такие специальные обследования удалось осуществить только относительно Боряки, Фастова, отчасти еврейской колонии Колдубицкой-Образцовой.

2. Показания свидетелей и пострадавших. Это наибольшая группа материалов. Опросы делались в Киеве среди беженцев с мест, отчасти на местах, очень тщательно, с известным выбором лиц, по определенной программе. Показания записывались в изложении показавших. Опрашивались по возможности несколько лиц из одного пострадавшего пункта из разных кругов, чтобы получить взаимный контроль над их показаниями.

3. Сообщения корреспондентов редакции.

4. Официальные доклады (в копиях) должностных лиц.

5. Жалобы, прошения пострадавших властям.

6. Документы: воззвания, приказы, распоряжения и т. д. властей, общественных организаций и т. д.

7. Именные списки убитых.

8. Газетный материал.

II. Материалы других организаций и учреждений, имеющиеся в копиях в архиве редакционной коллегии; среди этих материалов особенно важны материалы:

А. Российского Общества Красного Креста (Комитета помощи пострадавшим от погромов при Кр. Кр. в Киеве). Красный Крест работал среди погромленных, посылал на места своих уполномоченных, имел там своих корреспондентов, имел в центре информационное бюро для собирания материала о погромах. Из материалов Красного Креста особенно ценны:

1. сообщения уполномоченных, занимавшихся делом помощи на местах.

Имеются также среди материалов Кр. Кр.

2. показания свидетелей и пострадавших,

3. документы и

4. списки убитых.

Б. Центрального Еврейского Комитета Помощи Погромленным (в Киеве), особенно Юридического Бюро при нем. Юридическое Бюро собрало особенно ценный материал о погроме в Киеве (показания пострадавших). Относительно других мест имеются

1. сообщения местных комитетов, уполномоченных и корреспондентов,

2. показания пострадавших,

3. документы,

4. прошения и заявления пострадавших властям,

5. докладные записки самих комитетов властям и разным учреждениям.

В. Еврейских Общин:

а) Харьковской (о погромах, главным образом в Харьковской губ., и об эксцессах на железных дорогах):

1. показания пострадавших,

2. о заложниках в Валках,

3. беседа еврейской депутации с генералом Деникиным 26 июля (8 августа) 1919 года и докладная записка ему же;

б) Киевской:

1. показания пострадавших,

2. докладные записки.

Г. Лиги борьбы с антисемитизмом. Материал, в виде, главным образом, заявлений прокурору судебной палаты о разных случаях грабежей и насилий над евреями в Киеве.

Д. Разных организацй:

1. «Союза Возрождения» (копии докладных записок генералу Бредову и Деникину со сводками фактического материала о погромах),

2. организации «Поалей-Цион» (сообщения с мест и показания потерпевших) и др.

О наиболее пострадавших пунктах имеются параллельные материалы редакции и других организаций, собиравших эти материалы независимо друг от друга; имеются одновременно доклады, сообщения, показания потерпевших и т. д.

I. Положение еврейского населения на Украине до занятия страны Добровольческой Армией.

Со времени возникновения борьбы за самостоятельность Украины (с конца 1917 г.) и, особенно, с декабря 1918 г. (восстание Директории против гетмана) страна представляет собою арену непрерывных военных действий, бесконечной борьбы за власть на общем фоне разложения и анархии. За это время, до прихода Добровольческой Армии, страна извела последовательно следующие режимы: 1. самостоятельную «Украинскую Народную Республику» с Центральной Радой и Генеральным Секретариатом (ноябрь-декабрь 1917 г.); 2. кратковременную власть большевиков (правительство Пятакова, январь-февраль 1918 г.); 3. фиктивную самостоятельность (реставрация Центральной Рады) при фактической власти немецких оккупантов (май-апрель 1918 г.); 4. гетманскую власть — ту же фикцию при фактическом немецком хозяйничаньи (май-ноябрь 1918 г.); 5. Директорию; 6. Украинскую Советскую Республику (власть большевиков, февраль-август 1919 г.). Особенность всех этих режимов (за исключением разве периода немецкой оккупации, и то не без серьезных оговорок) заключается: 1. в неопределенности территориальных границ власти, в политической чересполосице, 2. в военном характере, в постоянной мобилизованности власти, 3. в фактическом бессилии власти.

Анархия и погромы.

Ни одна власть, считавшая себя центральной, фактически не простиралась на всю территорию Украины: рядом с ней, то на разных окраинах, то в перемежку существовала и конкурировала другая власть (или власти), «покорившая» себе известные губернии, уезды или волости. Особенно это положение стало характерным для советского режима (февраль-август 1919 г.), когда рядом с Советской Украиной существовала в разные времена Петлюровская (в пределах Волынской и Подольской губ.), Махновская, Григорьевская, не говоря уже о территориях многочисленных мелких партизанских отрядов и банд (Зеленого, Соколовского, Ангела, Тютюника и др.), оперировавших под всякими флагами и без флагов, воодушевленных больше всего стремлением к легкой наживе.

Эта политическая чересполосица привела к тому, что всякий режим представлял собою, главным образом, военную организацию для борьбы за завоевание Украины или для защиты от врагов на многочисленных фронтах. Об организационной работе, об устройении хозяйственной и гражданской жизни при таких условиях не могло быть и речи, и разруха страны росла в ужасающей прогрессии к военным операциям.

К этому нужно еще прибавить фактическое бессилие власти. Каждый из этих режимов, не успевший упрочиться, ничего не сумевший создать для населения и не имевший опоры в его складе жизни и традициях, опирался, главным образом, на военную силу и на карательные экспедиции, и власть его, даже в пределах территории, номинально подчиненной ему (вернее, не подчиненной другому режиму), не выходила за пределы

крупных населенных пунктов, в которых были сосредоточены военные силы, и не более, как на срок пребывания их там. Мелкие города и местечки были предоставлены самим себе, а деревня, вооруженная до зубов, стояла ошетилившаяся против всякой власти, никого не признавая и выделяя из себя то армию Директории для свержения Гетмана и немцев, то партизански-большевистские части против Директории, то повстанческие отряды против советской власти и всегда авантюристские грабительские банды против мирного еврейского населения.

Украина фактически представляла собою при всяком режиме ряд враждующих вольных и подневольных республик, или, вернее, ряд военных лагерей с многочисленными фронтами, на которых боролись в самых причудливых сочетаниях три основные группировки: 1. украинское самостийничество, 2. советский коммунизм и 3. анархический бандитизм. Вдоль и поперек с севера на юг, с запада на восток и обратно непрерывно двигались вооруженные отряды, бродили банды, налетали как шквал на беззащитные города и местечки, подвергая их всем ужасам артиллерийского обстрела и опустошениям (банды), растапывая на своем пути все остатки мирного быта и нормального общежития.

Это был предел распыленности и распада с пришибленными, голодающими, ничего не производящими городами, безропотно переходящими из рук в руки, и с анархической деревней, перед которой всякая власть была бессильна.

Не трудно было предвидеть, что при такой бесконечной кровавой игре, в которой подавляющее

большинство еврейского населения было невооруженным безмолвным зрителем, последнему уготована роль пассивной жертвы, особенно при погромной традиции на Украине. Но действительность превзошла всякие ожидания и исторический опыт. Борьба Директории против гетманской власти, и, особенно, вслед за этим с надвинувшимся большевизмом, ознаменовалась такими военными погромами (Овруч, Коростень, и особенно, Житомир, Проскуров, Фельштин), перед которыми по числу жертв, по жестокости и массовому разорению еврейского населения бледнеет все, что нам известно из погромной хроники последних десятилетий. Дальнейшее развитие событий при Советском режиме—организованная (петлюровская) и, особенно, распыленная борьба разных партизанских отрядов против Советской власти, налеты банд и выступление местных хулиганствующих элементов — создало на Украине положение перманентного еврейского погрома. Петлюровскими частями, Махновскими, Григорьевскими и т. п. бандами не менее 500 еврейских общин были преданы мечу и огню, много местечек стерты с лица земли или совершенно оставлены еврейским населением, спасшимся бегством; десятки тысяч погибших жизней, еще больше раненых, изувеченных, и сотни тысяч разоренных, доведенных до нищенской суммы. И что всего хуже — сознание обреченности. Беззащитные общины, мирные оазисы в море вооруженных отрядов и банд, — жили под пыткой вечного страха за свою жизнь и остатки достояния, и десять раз истерзанное, разгромленное еврейское местечко чувствовало занесенный

над ним топор убийцы, который может ударить каждый день, каждый час.

Погромы, естественно, разорили большую часть еврейского населения, но рядом с этим все условия окружающей хозяйственной жизни подорвали устой его материального существования. В обстановке военного быта, после тяжелого наследия 4-хлетней войны, промышленность совершенно погибла, товарное обращение выродилось в форму натурального обмена, а торговля в спекуляцию, при которой единицы наживались за счет сотен тысяч. В изолированной окраине, оторванной от России и всего света, разделенной внутри на ряд независимых и воюющих территорий, так часто переходящих из рук в руки, без транспорта, без товаров, без производства, с дорогами, на которых еврея подстерегала смерть, с городами-паразитами, потерявшими свою хозяйственную роль, и с деревней, воюющей с городом, естественно, должно было задыхаться большинство еврейского населения, промышленное, торговое и посредническое, жившее изобилием товаров, развитым товарообменом, отдаленными рынками, кредитом и т. д. Экономические мероприятия Советской власти: запрещение частной торговли одними продуктами, регулирование обращения других, национализация многих предприятий, реквизиции, контрибуции, вся система экономической борьбы с буржуазией, окончательно разорили еврейское население, промышленное и торговое по преимуществу. В каком-нибудь местечке «буржуем» оказывался владелец заведения минеральных вод, обладатель собственной лачуги, мелкий лавочник и т. д., и весь этот многочисленный класс лиц, вытесненный из своей обычной хо-

Экономи-
ческий по-
гром.

зяйственной сферы и не с'умевший приспособиться к новому строю, жил остатками сбережений, распродажей домашнего скарба или же на счет своей молодежи, устроившейся на советской службе.

Надежды
на Добро-
вольческую
Армию.

Таким образом к моменту вступления Добровольческой Армии в пределы Украины значительная часть еврейского населения, разочаровавшись во всех режимах, жившая под постоянной угрозой смерти, разоренная или выбитая из экономической колеи, страстно, как никакая другая часть окружающего населения, жаждала «права и порядка» и готова была приветствовать всякую твердую власть, которая гарантирует ей жизнь и мир.

Как это ни может казаться нам странным теперь, но эти свои надежды и чаяния она связывала с Добровольческой Армией. И не подлежит сомнению, что в лице многочисленных депутаций от еврейского населения, встретивших Добровольческую Армию с хлебом-солью, мы имеем перед собой не только обычную дань лицемерия перед властью и естественное заискивание на-смерть запуганных людей, но и искреннее воодушевление «носителями мира и порядка», совершенную преданность и готовность помочь Добровольческой Армии.

Услужливые друзья Добровольческой Армии из лагеря заинтересованной буржуазии, своей и чужой, усердно распускали слухи о «праве и порядке», которые несет с собою Добровольческая Армия, о лозунге Учредительного Собрания, начертанном на ее знамени, о ее корректном отношении к демократии, к рабочему классу, к евреям. При разобщенности городов и всей Украины, ког-

да каждое населенное место представляет собой изолированное царство, при полном отсутствии информации, особенно с той стороны фронта, сведения об «эксцессах» и «насилиях» над евреями, учиненных Добровольческой Армией еще в июне и июле 1919 года, совершенно не доходили до еврейского населения Украины. Даже советская пресса, предупреждавшая о помещичье-черносотенном характере это армии, совершенно не упоминала о еврейских погромах, и почти каждому городу, каждому местечку пришлось узнать об этом на собственном опыте. До прихода же Добровольческой Армии значительной части еврейского населения хотелось верить, что армия, идущая, как утверждали многие и как гласила декларация адмирала Колчака, с лозунгом «единой и неделимой России» и Учредительного Собрания, и развившая такую энергию наступления, достаточно сильна, чтобы упрочить власть и положить конец гражданской войне, и достаточно государственна, чтобы явиться защитницей мирного населения и уже во всяком случае, чтобы самой не устраивать погромов. На что же еще оставалось надеяться, например, еврейскому населению местечка Богуслав, о жизни которого погромная хроника повествует: 4-го апреля (1919 г.) после победы над большевиками ворвались в наше местечко повстанцы, разгромили и разграбили все еврейское население, причем убили около 20 и ранили около 50 евреев. После этого местечко обратилось в позицию, подвергавшуюся почти ежедневно всем ужасам артиллерийского обстрела. 12-го мая большевики опять ушли, повстанцы вновь ворвались в местечко, убили нескольких евреев, ограбили всех, вывезли то-

вары и домашние вещи и, наконец, 13-го мая подожгли дома и лавки, в результате чего погибло в огне около 50 жилых квартир, 100 лавок, магазинов и складов и 7 синагог. — А ведь таких местечек было много десятков. Тем жесточе было разочарование еврейского населения, которому Добровольческая Армия принесла резню и разгром, неслыханные даже в богатом погромном быту еврейства Украины.

II. Канун погрома. Погром.

Погромный
путь.

В настоящее время можно с уверенностью сказать, что путь передвижения Добровольческой Армии — это погромный путь, все равно идет ли речь о победном шествии (в июне-октябре 1919 г.), или о паническом бегстве при отступлении (декабрь 1919 г. — февраль 1920 г.).

«Вступление N'ой части Добровольческой Армии ознаменовалось у нас погромом и тем же закончилось отступление», — таковы стереотипные реплики из большинства мест, о которых у нас имеются сведения (Бобровицы — Черниговской губ., Богуслав, Городище, Корсунь, Черкассы, Смела — Киевской губ., Томашполь — Подольской губ. и т. д.). Там, где ступила нога Добровольческой Армии, везде мирное еврейское население сделалось предметом жестокой расправы, неслыханных насилий и издевательств. Этот путь Добровольческой Армии лежал, главным образом, по железнодорожным магистралям. В силу общих стратегических соображений и особенностей граж-

данской войны, которая велась вообще не сплошным фронтом, а вдоль железнодорожных и водных путей, занятие Добровольческой Армией, по мере ее продвижения с востока на запад (и с севера на юг) какого-либо железнодорожного пункта, особенно узлового, означало очищение Советской (или Петлюровской) Армией целой полосы территории восточнее (или севернее) этого пункта, которая, таким образом, доставалась победителю без боя. Механически были завоеваны большие площади территории одним фактом занятия железнодорожно-стратегического пункта; не было никакой необходимости выбивать противника из большинства мест; мирно занимали их исправники и стражники. И это обстоятельство, при усиленном стремлении командования Д. А. бросками и наскоками достигнуть возможно скорее центра России, Москвы, оставляя даже незакрепленным тыл, спасло много еврейских общин от разгрома и уничтожения, неизбежного при непосредственном военном занятии Добровольческой Армией какого-либо пункта. Таким образом, проследив путь наступления Добровольческой Армии с востока на запад, т. е. с Ростова на Киев по продольным линиям, ведущим к Киеву (через Харьков, Полтаву, Ромадан в центре, через Сумы, Конотоп, Нежин севернее, и через Знаменку, Фастов южнее), по поперечным линиям, соединяющим эти главные магистрали (особенно по линии Бахмач — Черкассы), а также на север (Киев-Чернигов) и на юг (вытеснение Петлюровцев по линии Киев-Казатин), мы получаем, так сказать, наглядную географию погромов. Большинство разгромленных пунктов расположены непосредственно у соответствующей

щих железнодорожных станций (Конотоп, Нежин, Бобровицы, Кременчуг, Черкассы, Хорол, Прилуки, Белая-Церковь, Фастов и т. д.) или близко примыкают к железнодорожным станциям (Канев, Степанцы, Богуслав, Межиричи, Россава, Таганча — Каневского уезда, Гостомель, Макаров и т. д. — Киевской губ., Борзна, Новый Мглин, Остер и т. д. — Черниговской губ.). И обратно: по погромным кровавым следам можно почти безошибочно восстановить пути наступления и отступления Добровольческой Армии, установить даже моменты ее удач и поражений.

Нарастание
и падение
погромной
волны.
Типы по-
громов.

На этом пути, по мере продвижения вглубь бывшей «черты оседлости», в гущу городов и местечек, населенных по преимуществу евреями (особенно в Киевской губ.), можно заметить определенное нарастание погромной волны. С ростом самоуверенности и надежды на окончательную победу Добровольческой Армии, разжиганием в ней звериной юдофобии силами изнутри и извне и с укреплением убеждения в полнейшей безнаказанности, погромная практика усложняется и обогащается новыми целями и приемами. В этом смысле можно установить три погромных периода:

1. Период так называемых «тихих» погромов (Харьковская, большая часть Полтавской и Екатеринославской губерний в июне и июле 1919 г.), характеризующихся непрерывными изо дня в день нападениями на отдельных евреев и налетами на отдельные еврейские квартиры, дающими, однако, в общей сумме, благодаря длительности таких погромов (месяцами в Харькове, Екатеринославе, Киеве и др. местах) значительное число пострадавших. Главная цель — легкий гра-

беж (денег, драгоценностей, легко уносимых вещей); убийства бывают здесь сравнительно редко и то под видом преследования коммунистов или мести их родственникам, квартирохозяевам, знакомым. Самое тяжелое в этих «тихих» погромах — это насилия над еврейскими женщинами, которые, чем дальше, тем все более начинают принимать массовый характер (в этом периоде особенно в Екатеринославе).

2. Период массовых погромов (западная часть Полтавской губ., южная часть Черниговской и восточная Киевской губ. в августе). В течение двух-трех дней идет массовый грабеж; у всего еврейского населения отбирается все, до одежды и обуви на теле, основательно очищаются еврейские квартиры, до пианино и кухонной утвари, а также торговые заведения, и все это увозится, грузится в воинские вагоны, отчасти распродается тут же на аукционе местным и окрестным крестьянам. Рядом с грабежом здесь идет уничтожение еврейского имущества, всего того, что трудно или невыгодно увозить, частичные поджоги и отдельные убийства (от смерти можно, однако, откупиться более или менее солидным выкупом); изнасилования принимают массовый характер.

3. Период кровавых погромов или резни. (Киевская и Черниговская губ. в конце августа и в сентябре, Подольская губ. при отступлении в январе-феврале 1920 г.). Ко всем вышеупомянутым атрибутам прибавляются массовые жестокие убийства еврейского населения. Погромы этого типа имеют место, главным образом, в пунктах, переходящих из рук в руки, зачастую по не-

сколько раз (Борзна 5—6 раз), как бы в «отместку» за «беспокойство», за кратковременные неудачи, при неизменных провокационных слухах о «еврейской стрельбе» по Добровольческой Армии из домов и засад (Нежин, Борзна, Новый Мглин — Черниговской губ., Фастов — Киевск. губ. и т. д.), особенно в пунктах по пути отступления (Кривое Озеро, Томашполь, Саврань и другие местечки Подольск. губ., равно как многие места Киевск. губ.).

Погромный стиль не всегда выдержан, как в смысле периода, так, особенно, в смысле провокационных поводов (например, беспричинная резня в Россаве-Кивской губ. 25 августа при самом вступлении Добровольческой Армии в село), но в общем схема эта соответствует тому, что нам до сих пор известно о погромах, учиненных Добровольческой Армией.

После сентябрьского катастрофического периода намечается некоторый перелом, и опять-таки в связи с положением фронта. Энергия наступления Добровольческой Армии начинает выдыхаться: в западной части Киевской губернии (от линии реки Ирпень через Бердичев и т. д.) и в северной части Черниговской большевики укрепляются и начинают уже теснить Добровольческую Армию. Западная половина Волынской и Подольской губерний занята поляками, отчасти галичанами (район Винницы), юг (Херсонская, отчасти Подольская губ.), где оперирует армия барона Шиллинга, совершенно оторван от севера Украины, так как часть Екатеринославской и Таврической губ. отрезывается бандами Махно. Силы Добровольческой Армии, оперировавшие раньше на

Украине, бросаются на север и восток; борьба идет, главным образом, на путях к Москве, в чисто-русских губерниях (с незначительными еврейскими колониями).¹ В связи с этим погромная волна падает. За отсутствием новых мест остается только добивать старые, давно занятые где главное дело уже сделано; наступает погромный штиль, идет «тихий» погром.

Новый погромный взрыв, начиная с декабря 1919 г., связан уже с агонией Добровольческой Армии, ее паническим бегством перед наступающими армиями большевиков. Наступает период повторных массовых погромов (местами в 3-ий, 4-й и т. д. раз) уже ранее разгромленных пунктов (Борисполь, Ставище, Смела, Городище, Монастырище и др.). Часть армии Бредова пытается прорваться в Румынию и, не достигнув цели, поворачивает вдоль Днестра и устраивает ряд погромов в Подольск. губ. (Томашполь, Ямполь, Джурин, Мясковка, Яруга, Вербка, и т. д. в феврале 1920 г.). И еще в апреле 1920 г., ко времени наступления Петлюры вместе с поляками на Украину, мы встречаем старых наших погромщиков, остатки Донских и Кубанских частей, устраивающих резню в Калюсе (Под. губ.), на этот раз на службе... у Петлюры и поляков.

Раньше чем перейти к более детальной характеристике погромной работы Добровольческой Армии и результатам этой работы в еврейской жизни, остановимся на одном явлении, которое характери-

Заложники.

¹ Эти еврейские колонии не забываются, однако, Добровольческой Армией, которая устраивает резню в Балашове (1/14 июля), в Ельце (31-го августа/7-го сентября), в Козлове, Орле и т. д.

зует отношение Добровольческой Армии к еврейскому населению вообще, и в частности проливает некоторый свет на открывающуюся после этого серию погромов. Мы имеем в виду заложников, взятых Добровольческой Армией из еврейской среды. Этот прием, испробованный уже царским режимом во время последней мировой войны и им же осужденный, был воскрешен теперь, как мы еще увидим ниже, в ряду других приемов обьявления всего еврейского населения «врагами России» и возвращения их в прежнее положение бесправия и рабства. 18-го и 19-го июня (1—2-го июля) 1919 г. в г. Валках (Харьковской губ.) были арестованы в качестве заложников от еврейского населения 11 лиц (Шлезберг, владелец магазина часов и золотых вещей; Гликин, портной; Кац, студент; Брандес, женщина-врач, и друг.) в ответ на заложников, взятых большевиками при отступлении из разных мест из среды имущих кругов без различия национальности (христиане и евреи). Пятеро из этих заложников-евреев работали временно среди своих русских товарищей на огороде, организованном группой членов Харьковского Вегетарианского Общества. Представитель этой группы Тригорий Хвостатый заступился за них и получил от офицеров следующие ответы: «мы имеем не против огородников, а против национальности» и... «все жида большевики, их можно резать и убивать» (помощник коменданта). Один из заложников (Гликин) расстрелян 20-го июня (3-го июля), другой (Шлезберг) сошел с ума; остальные были освобождены 1/14 июля. Добровольческая Армия в этот период только начала развивать серьезное наступление,

на всех перекрестках трубила о своем демократизме и равном отношении ко всем национальностям, и метод заложников, повидимому, был признан свыше неудобным. Рядовое казачество и офицерство нашло более простые, но более испытанные и более прибыльные методы укрощения «врага», и тут же в Валках устроило погром.

Выше было уже указано на то, что известные круги еврейского населения, принадлежавшие к торгово-промышленному и посредническому классу, склонны были, после советского коммунистического режима, видеть во власти Добровольческой Армии «свой» режим, несущий с собою начала неизбежной частной собственности и свободной торговли; значительная же часть еврейского населения, терроризованная непрерывными погромами и нападениями разных банд, независимо от своих экономических интересов и политических симпатий, naïвно желала видеть в Добровольческой Армии оплот «права и порядка», с тоской ожидала от Добровольческой Армии установления твердой власти и избавления от погромов. Это ожидание вылилось в форму радужной встречи Добровольческой Армии, депутатов, выходивших навстречу вступающим частям с хлебом-солью, угощения этих частей, значительных пожертвований в пользу Армии. И тут уже с самого начала начинается жестокое разочарование. Укажем здесь на некоторые случаи. Трижды еврейская депутация в Борисполе (Полтавск. губ.) подносит хлеб-соль вступающей части (25 августа 1919 г.), все не попадая к начальнику отряда, и на расспросы о местопребывании последнего, получает в ответ: «хлеб-соль вам не поможет, жидовские морды».

Встреча Добровольческой Армии с еврейским населением.

В Бобровицах (Черниговск. губ.) вступающую разведку (2 сентября) окружают некоторые местные жители христиане и евреи. Последние выражают свою радость по поводу избавления от погрома, который угрожал им от оперировавших в этом районе банд Ромашко, но им цинично заявляют: «Чего жида радуются, придут наши, все равно их перережут». И тут же, как в этих случаях, так и в других, начинается разгром еврейского населения, насилия, убийства. Не помогает обед, данный вступающему отряду на еврейские деньги на квартире еврея (м. Паволочь Киевск. губ., 17 октября), систематическое кормление казаков (Фастов, Киевск. губ.). Жестоко расплатилась еврейская депутация м. Корсуни (Киевск. губ.): 24-го августа большевистская власть ушла; в городе известно было, что отряд терской пластунской бригады находится в 8—10 верстах отсюда у разъезда Заводовка. Туда отправляется делегация из 4 христиан и 3 евреев приветствовать отряд и просить его занять город. 25-го августа в город входит небольшой отряд, радостно встречаемый русским и еврейским обществом (с раввином во главе). Тут же устраивается митинг, произносятся речи, причем торжественно заявляется, что мирное население может быть совершенно спокойно, никаких насилий не будет, население призывается к спокойствию и терпимости и т. д. На следующий день (26-го августа) местные большевики вновь захватывают город на несколько часов, и двое из несчастной еврейской делегации расплачиваются своей жизнью за симпатии к Добровольческой Армии (Шейнблум и Славутский, третий скрылся). В тот же день большевики вытесняют

ся отрядом пластунов, и тут же начинается погром и резня, причем погибает в ужасных муках, буквально растерзанный на части, раввин, участвовавший накануне во встрече отряда. В большинстве случаев расправа с еврейским населением начинается с депутации же. В Кагарлыке (Киевск. губ.) еврейская депутация была принята «благосклонно», но не успел начальник отряда вернуться, как его солдаты ограбили всех ее членов (29-го августа); в м. Кобище, (Черниговск. губ.) еврейская депутация, отправившаяся на вокзал, была ограблена, раздета до нага и жестоко избита (14-го сентября), а в м. Макарове (Киевск. губ.), оставленном почти всем еврейским населением (4000 душ) вследствие ужасающего перманентного погрома от банд (с июня по конец августа), была изрублена на части еврейская депутация из 17 глубоких старцев (из числа оставшихся в местечке 200 старух и стариков).

Во всех этих случаях жестокие насилия над депутациями служат как бы сигналом к массовому погрому и резне. Вступающая часть, в большинстве случаев казаки, немедленно по вступлении рассыпается группами в 5—6—10 человек по городу, часто вместе со своими офицерами, грабит по пути встречающихся евреев, раздевая их до нага, жестоко избивает, в отдельных случаях наносит тяжелые раны холодным и огнестрельным оружием, режет, расстреливает и заставляет свои еле держащиеся на ногах жертвы показывать им квартиры наиболее богатых евреев и еврейские квартиры вообще. (Во многих случаях роль проводников добровольно берут на себя местные хулиганские элементы, которым кое-что тоже перепа-

Погром.

дает в кровавом пиру). В еврейских квартирах казаки начинают с требования выдачи им денег, драгоценностей (золота и серебра) и ценных вещей вообще. На смерть запуганное еврейское население, в большинстве случаев имеющее уже богатый погромный опыт, немедленно, без всяких возражений и сопротивления выкладывает все содержание карманов, ящиков, шкафов и т. д., которое тут же переходит в карманы и мешки казаков. Людей заставляют скинуть с себя все, часто до последней рубахи. Но гости обычно этим не удовлетворяются: начинается доискивание мнимо или действительно спрятанного добра; угрозами расстрела, избиениями шомполами, прикладами и мучительнейшими пытками (подвешиванием и др.) заставляют указывать спрятанное, и, не доверяя указаниям или недовольные ими, гости разваливают печи, стены, срывают полы, выпускают пух из перин, разносят чердаки, погреба, вырывают глубокие ямы в оголенном полу, во дворе. Недовольство выданным и найденным, особенно подозрение в «ловкой утайке» (после всех этих приемов разыскивания) влечет за собою мучительнейшие изувечения, убийства; откупиться можно только солидным выкупом, который заставляют занять у соседей христиан. Среди неопишемого ужаса, воплей женщин и детей, стонов раненых, звона разбитых стекол, треска и грохота ломаемых вещей, печей, стен, отдыхающая часть гостей насилует женщин, не разбирая возраста, тут же на глазах у родителей, детей, мужей, уступая потом свое место «работающей» группе. Часто женщины уводятся с собою. Всякое сопротивление, как жертвы, так и присутствующих, неизбежно

кончается убийством. Затем забранное «жидовское» добро укладывается на телеги, свои или крестьянские, на грузовики и увозится на вокзал, где грузится в воинские вагоны. В отдельных случаях добыча здесь же передается женам, прибывшим на свидание с Дона и Кубани (Белая-Церковь). Ненужное или слишком громоздкое разбивается, ломается в щепки или милостиво предоставляется, как законная доля, местным хулиганам или крестьянам, с'ехавшимся с возами и мешками на богатый пир. Очередь за жилищем жертв: ломаются окна, двери, вырываются дверды печей, дом обращается в необитаемое жилище, часто он тут же поджигается. На смену одной группе приходит другая, третья и т. д. Вид несчастных жертв, разгромленного дома нисколько не убедителен: по прежнему требование денег, драгоценностей; ссылка на работу предшествующей группы и действительная неудача новой приводит в звериную ярость, и влечет за собою дальнейшие пытки и расплаты жизнью оставшихся жертв, не успевших или не смогших более скрыться после первого нашествия. Обезумевшее еврейское население, полунагое и босое, в ужасе и отчаянии мечется по улицам, по которым идет форменная охота на несчастных беглецов, перебегая из дома в дом, везде встречая описанную уже картину разгрома, часто еще в полном разгаре, ища какой-нибудь лазейки, оврага, дыры, кустарника, чтобы спрятаться, бежит в леса. В лучшем случае спрячет у себя сосед христианин, но не на долго; распускаются слухи, угрожающие расправой за «укрывательство жидов», и натранный добрый христианин часто видит себя вынужденным предложить бег-

лецу оставить дом. Так продолжается «законные 3 дня», в течение которых, по заявлениям казаков, им разрешено «погулять» и которые, в зависимости от успешности работы, тянутся меньше или больше. За это время находятся смельчаки, пробирающиеся с риском для жизни к начальству с жалобами. Здесь им, в зависимости от личных симпатий, настроений и государственного ума начальника гарнизона, отряда или коменданта, читается строгое внушение на тему о «жидовских комиссарах», о большевизме всего еврейского населения, о зле, причиненном евреями России и Добровольческой Армии, предлагается «добровольно» внести солидную лепту в пользу Добровольческой Армии, на угощение казаков, в награду за обещанную охрану и т. д. Даются уверения в том, что «меры приняты», уверения, сопровождаемые часто откровенными указаниями или намеками на бессилие начальства в виду «законного» озлобления казаков против евреев-большевиков; часто издаются при этом приказы о прекращении «насилий». Все эти «меры» и «приказы» обладают тем свойством, что несколько не являются убедительными для погромщиков, отлично знающих свое начальство и потому открыто смеющихся над ними: погром продолжается до своего естественного конца, наступающего обычно в тот момент, когда громить больше нечего; в большинстве случаев «приказы» являются прямо запоздалыми, изданными после этого естественного конца (приказ полковника Сахарова в Белой-Церкви 1/14 сентября, т. е. через 2 недели после начала погрома.) Затем оставшиеся в живых выползают из своих нор и убежищ, чтобы подобрать на улицах, в домах,

в погребках изуродованные до неузнаваемости, об'еденные (на улице) свиньями и собаками трупы замученных и предать их земле в братских могилах, подвергаясь во время этого печального занятия новым насилиям и издевательствам (изнасилование 15-ти летней дочери кладбищенского сторожа во время похорон жертв погрома в Бобровицах, Черниговской губ.). Наступает «успокоение»: вместо прежних массовых грабежей и убийств идет так называемый «тихий» погром, т. е. отдельные нападения на евреев, на которых еще осталось кое что из одежды, белья, обуви, и налеты на еврейские квартиры. С наступлением сумерек на улицах стоит жуткая тишина, никто из евреев не показывается на улицу, обычно они собираются десятками семей в уцелевших домах, которые превращаются в маленькие крепости. Среди этой жуткой тишины раздаются вдруг, то здесь, то там выстрелы и вслед за ними душу раздирающие крики. Вот как описывает картину такой ночной жути редактор «Киевлянина» В. В. Шульгин, идейный вдохновитель погромной работы Добровольческой Армии, а потому отнюдь не склонный преувеличивать ужасы этой работы:

«По ночам на улицах Киева наступает средневековая жуть. Среди мертвой тишины и безлюдия начинается душу раздирающий вопль.

«Это кричат «жиды». Кричат от страха. В темноте улицы где-нибудь появится кучка пробирающихся «людей со штыками», и, завидев их, огромные многоэтажные дома начинают выть сверху до низу; целые улицы, охваченные смертельным ужасом, кричат нечеловеческими головами, дрожа за свою жизнь.

«Жутко слышать эти голоса... это подлинный ужас, настоящая пытка страхом, которой подвержено все еврейское население». («Пытка страхом», «Киевлянин», № 37 от 8—21 октября 1919 г.).

В. Шульгин, сам наслышавшийся в жуткие ночи 17—22 октября в достаточной мере «этих нечеловеческих голосов» в 40—50 шагах от своей квартиры в Киеве по Кузнечной улице (кстати и квартиры, рядом, главноначальствующего Киевской Области, генерала Драгомирова), дает здесь довольно верную картину, стыдливо опуская, однако, занавес над действиями «людей со штыками», и уже, конечно, делая отсюда свои выводы, к которым нам придется еще вернуться.

Так продолжается «успокоение» до нового взрыва, совпадающего с каким-нибудь событием: смена старой и прибытие новой воинской части, неудача на ближайшем фронте, временный захват места большевиками и вытеснение их отсюда, общее отступление армии и т. п. Во всех этих случаях погром возобновляется еще с большей силой и ожесточением, и обычно эти повторные погромы бывают самые страшные. Таким образом, мы имеем перед собою в большинстве мест перманентный погром, длящийся неделями и месяцами (Бобровицы, Борзна, Нежин — Черниговск. губ., Богуслав, Белая-Церковь, Фастов, Черкассы — Киевской губ. и т. д.), с острыми пароксизмами в начале и конце (или середине) и интервалами «тихого» погрома, дней успокоения. В крупных же центрах (Харькове, Екатеринославе, Киеве) — «тихий» погром, нарушаемый острой вспышкой (дни массовых грабежей 17—20 октября в Киеве).

Кончается (или прерывается) этот погром только либо с уходом воинской части, либо с бегством еврейского населения, которое во многих случаях целыми общинами покидает родные места и с риском для жизни пускается пешком, с женами, больными и детьми, в опасный путь в такие же разгромленные близлежащие города и местечки.

III. Особенности добровольческих погромов.

Как ни богата погромная практика на Украине, особенно со времени погромов Петлюровских частей и разных банд, однако, Добровольческая Армия с'умела здесь внести что-то новое, свое, выделяющее ее погромную работу от всей предшествующей. Особенности эти заключаются, главным образом: 1. в чисто военном характере погромов, 2. в массовом насиловании женщин, 3. в особенной жестокости и пытках, 4. в крайней разрушительности и искоренении целых общин. В этом смысле с погромами Добровольческой Армии могут соперничать только резни времен Хмельничины (1648 г.) и Гонты (1768 г.).

В отличие от других погромов 1919 года, в которых деятельное участие принимает обычно местное христианское население, особенно темная масса крестьян и мещан и реакционная часть интеллигенции из чиновников и лиц обиженных вообще революцией (этим элементам часто принадлежит даже инициатива), погромы при власти Добровольческой Армии носят чисто военный характер, возникают по почину воинских частей и выпол-

Военный характер погромов. Отношение местного населения.

няются почти исключительно силами этих последних, Добровольческая Армия монополизировала погромное дело. Местное не-еврейское население в большинстве случаев стоит в стороне от погромного дела, относясь к нему холодно или даже резко отрицательно. В некоторых случаях в погроме участвуют крестьяне окружающих деревень, но это участие не идет дальше «мирного» грабежа, подбирания имущества, брошенного казаками или оставленного в брошенных хозяевами домах; значительно меньше даже такое ограниченное участие со стороны местного крестьянского и мещанского населения (Россава, Богуслав, Фастов — Киевской губ., Борисполь — Полтавской губ.); и всего зарегистрировано два случая (в Боярке и Ракитно — Киевской губ.) активного участия в погроме (отчасти инициативы его) некоторой части не-еврейского населения. Зато в большинстве случаев местное христианское население принимает живое участие в судьбе евреев, укрывает их в своих домах, выступает в их защиту, посылает с этой целью делегации к начальству (от городских дум и разных организаций); и действует в одиночку, порой с большим самоотвержением (Белая-Церковь, Городище, Гостомель, Корсунь, Черкасы, с. Веприк — Киевской губ., Борзна, Конотоп, Нежин, Новый Мглин — Черниговской губ., Борисполь — Полтавской губ., Джурин, Кривое-Озеро — Под. губ., и многие другие). Нет сомнения, что этому обстоятельству много евреев обязано своим спасением, и не будь этого, число жертв было бы несравненно больше. Однако, погромная работа, которая ведется длительно и безнаказанно, с открытого или молчаливого одобрения военных властей и даже во многих

случаях при участии этих властей, работа, ставшая бытовым явлением, не остается без деморализующего влияния на известные слои не-еврейского населения, которые постепенно втягиваются в погромное дело. Во многих случаях крестьяне отказываются приютить у себя евреев, ссылаясь на приказы и угрозы начальства. В м. Козине, Киевской губ., крестьяне сначала укрывали у себя евреев; видя, однако, отношение к ним военной власти, крестьяне сами стали избивать евреев; то же происходит и в Степанцах и особенно в Таганче, Киевской губ. С другой стороны, ужасы погромной вакханалии, не прикрытые даже видимостью поводов, морального оправдания, в иных случаях вызывают и реакцию противоположного характера. Так, например, в Нежине, Черниговской губ., не-еврейское население, обычно мало расположенное к евреям, при виде этих ужасов, укрывает у себя евреев, посылает к военным властям депутации во главе с духовенством с мольбой о прекращении погрома. Много человечности и истинного мужества проявляет в эти дни целый ряд лиц из среды русского населения в своей защите евреев, подвергаясь за эту защиту серьезным угрозам и прямым избиениям (Борзна, Черниговск. губ., Городище, Киевской губ.). Известен даже случай (в Городище), когда отъявленный бандит (некий Грицай), сам принимавший участие в одном из предшествующих погромов и впоследствии спасенный евреями же от тяжелой кары, заступается перед озверевшими казаками за группу уже обреченных пленников-евреев с такой энергией, силой морального убеждения и готовностью раз-

делить их участь, что спасает уже обреченных людей.

Словом, в общем и целом погромы при Добровольческой Армии являются делом исключительно военных. В некоторых случаях пособниками является государственная стража (милиция). В Россаве, например, пристав с милиционерами расстреливает беженцев, вернувшихся на свои развалины, то же в Прилуках (пристав Антоненко), в Корнине и Ставищах (милиция), в Степанцах (начальник стражи Пампушка) и в др. местах. Погромами Добровольческая Армия изолирует себя даже в среде не-еврейской обывательщины, обычно консервативной, особенно в черте оседлости, и естественно тяготеющей к Добровольческой Армии.

Массовое
изнасило-
вание жен-
щин.

Массовое изнасилование еврейских женщин является самой резкой чертой, отличающей погромы Добровольческой Армии от всех предшествующих, выявляющей всю, так сказать, самобытность Добровольческой Армии и ее погромных методов. Если в предшествующих погромах, в том числе и в самых жестоких и кровавых (в Житомире, Проскурове, учиненных Петлюровскими частями, в Черкассах и Елисаветграде — бандами Григорьева) случаи изнасилования встречаются очень редко, и только как единичные явления, то при Добровольческой Армии изнасилование принимает массовый характер, становится неотъемлемой основной частью погромной программы, отодвигающей как бы на второй план все остальные части, за исключением разве грабежа. Массовое изнасилование имеет место решительно везде, даже при «тихих» погромах и в крупных центрах (в

Екатеринославе называют цифру не меньше 1000 еврейских женщин). В местечках количество изнасилованных исчисляется сотнями, доходя до половины и больше всего еврейского женского населения (м. Смела, еврейская колония Колдубицкая-Образцовая, м. Гостомель — Киевской губ., м. Яблонино, — Полтавской губ., и др.). Выше было уже упомянуто при каких условиях исполнялась эта часть погромной программы: 1. это делалось открыто на глазах у мужей, братьев, родителей, посторонних; 2. не щадился ни возраст, ни состояние. Повсюду этот ужас касается, как малолетних детей (от 8 лет), так и глубоких старух. Можно было бы считать соответствующие сообщения с мест и специальные обследования бредом больной садистской фантазии, но для этого необходимо еще более нелепое предположение, что сотни лиц в разных местах, никогда не видевших и не знавших друг друга, каким-то чудесным образом условились говорить об одном и том же почти в одних и тех же словах и к тому же придумывать имена жертв; что самим жертвам (еврейским женщинам), вынужденным обращаться к помощи врачей, абсолютно чуждо чувство женской чести и они готовы выдумывать на себя небылицы и т. д. Вот некоторые факты, от которых мутится разум и теряется ощущение реальности: в Корсуни (Киевск. губ.) зарегистрировано 2 случая изнасилования 70 летних старух, то же и в Россаве (случай изнасилования 75-ти летней старухи на глазах у мужа и дочерей), в Томашполе и в других местах. В Кременчуге 6 казаками изнасилована больная возвратным тифом, в Корсуни — агонизирующая женщина, которая тут же скончалась. В Не-

жине, Россаве изнасилованы родильницы, только что перенесшие роды, в Прилуках — беременные женщины. В Ракитно девушку останавливают днем на улице, близъ волостного правления, раздевают до гола и тут же насилуют. В растлении одной малолетней принимают участие 8—10 человек. В Черкассах одна изнасилованная искутана с головы до ног, так что у нее опухло все тело. В Борзне группу еврейских девушек и женщин в осеннюю ночь раздевают на улице до нага, предварительно порют, а затем насилуют. Еврейские девушки и женщины массами уводятся из домов родных, чтобы никогда больше не возвратиться туда, вытаскиваются из вагонов. Большинство жертв заражено самыми отвратительными венерическими болезнями. Многие жертвы насилия убивались тут же, иные лишились рассудка, другие вымаливали себе, как милость, смерть, предпочитая ее позору, и много жертв кровью принесло еврейское население, мужественно, но безнадежно защищая родных от позора. Но довольно об этом.

Жестокости
и пытки.

Как ни трудно быть оригинальным в области жестокости после таких мастеров погромного дела, как банды Зеленого, Соколовского, Петлюровских «атаманов» Палиенко (1-й Житомирский погром), Самосенко (Проскуровский погром) и друг., однако Добровольческая Армия с'умела и здесь показать себя, как в смысле разнообразия приемов насилий и издевательств, отчасти и новизны их, так и в смысле интенсивности их применения. Раньше всего пытки. Пытки это у Добровольческой Армии обычный прием, применяемый при вымогательстве денег, выкупа. По разнообразию приемов пытки, методичности и настойчивости их

применения, можно было бы думать, что мы имеем здесь дело с благочестивыми учениками инквизиции, добывающимися таким путем истины. Кроме таких «банальных» приемов, как угрозы, изувечение и т. д., Добровольческая Армия широко практикует новый прием: подвешивание. Прием заключается в том, что на жертву накидывают петлю и вешают на любой крюк в комнате, не давая, однако, ей задохнуться окончательно. Подвешанного всякий раз снимают, приводят в чувство и, ободряя прикладами, нагайкой, вновь побуждают указать, где зарыты деньги, драгоценности и т. д. Подвешивание (практикуемое, кстати, во многих местах) продолжается до тех пор, пока подвешенный или его близкие не представят должного выкупа. Известен случай подвешивания 3 раза (Берковича в Кривом Озере) и даже 17 раз (Смелянского в Черкассах, у которого отняли $1\frac{1}{2}$ миллиона); известен случай, когда гимназиста (Бориса Забарского в Фастове) заставили затянуть петлю на шее отца (Меера) и т. п. Вводится также прием «испытания» огнем. Подносят к лицу горящую лампу, бросают в импровизированный костер (в Белой-Церкви Гросмана, беженца из Володарки, который от ожогов скончался), жгут волосы на голове (там же), жгут пятки и т. д.

Известен и комбинированный прием: подвешивания и поджигания пяток горящими свечами (случай в Кагарлыке), напоминающий инквизиционную «дыбу». Вырывают волосы из бороды, колют ступни ног булавками, иглками и т. д. В Борисполе у Л. Эльгарта потребовали 25 тысяч руб.; за «упорство» несчастного сперва повалили и топтали ногами, избивали прикладами, затем

втокнули в ящик, поражая его через крышку штыками, наконец, извлекли почти мертвого и застрелили на глазах у матери и сестры.

Тысячами гибли евреи, жертвы Добровольческой Армии, седобородые «коммунисты», застигнутые в синагоге за фюлиантами талмуда, «коммунисты» младенцы в люльках вместе с их матерями и бабушками. Поражает в любом списке процент замученных глубоких стариков, женщин и детей. Расстреливали, но еще больше кололи, рубили пашками, сносили черепа, не мало и погибших в огне, в зажженных домах (в Фастове до 100 жертв, в Лучинце, Джурине, Яруге Под. губ.), повешенных (Боярка и др.), задушенных (Корсунь 80-ти летний старик Суходольский и друг.), заживо похороненных (90 летняя Фрума Пекарь в Рожеве, 2 случая в м. Тетиеве, неудавшаяся попытка засыпать Бенциона Еваленко в Обухове и т. д.).

Но такому избавлению могли только завидовать люди, которых медленно терзали, отрезывали языки (Кликсман в Фастове, у него же рана от разрывной пули), уши, нос, выкалывали глаза (Ямпольский в Фастове), отрубали руки, ноги и т. д. И идиллией кажутся в этих условиях такие невинные забавы русских офицеров, как запрягать евреев в сани вместо лошадей (Городище), или заставлять избитых и донага раздетых людей, родителей и детей мучеников, погибших на их же глазах, кружиться, держась за руки, петь хором: «бей жидов, спасай Россию» (Михайловка, Харьковской губ., Кагарлык, Киевской губ., Борзна, Черниговской губ. и т. д.).

Опусто-
шение ев-
рейских
общин.

Мы уже видели, что погромный пафос Добровольческой Армии направлен не только на це-

пераспределение благ (еврейских), но и на уничтожение их. В этом заключается, так сказать, идеализм и бескорыстие добровольческих носителей «права и порядка». Этот пункт погромной программы: уничтожение имущества, товаров, поджоги жилищ и лавок широко практиковался и раньше различными бандами (особенно в Киевской и Подольской губ.). Ново в Добровольческой Армии только то, что это окончательный, уничтожающий удар, нанесенный многим общинам, из коих большинство перенесло погромы в течение 1919 г. по несколько раз, а некоторым, как Фастов, счастливо избегнувшему этой участи и давшим у себя приют тысячам беженцев из окружающих разгромленных местечек, впервые пришлось испытать эту чашу из рук Добровольческой Армии. От поджогов тяжело пострадало значительное число разгромленных пунктов (Богуслав, Белая-Церковь, Городище, Гостомель, Корсунь, Макаров, Ракитно, Россава, Тальное, Шпола — Киевск. губ., Борисполь-Полт. губ., Кривое Озеро, Томашполь, Мясковка, Саврань — Под. губ. и т. д.), а некоторые из них, как цветущий Фастов с его еврейским населением в 10.000 душ, почти сплошь погибли в пламени (в своей еврейской части; в Фастове сгорело 200 жилых строений и столько же торговых помещений, принадлежавших евреям).

Методическое разрушение коснулось не только частного имущества, но и общественного. Разрушались синагоги, еврейские больницы, богадельни, общественные училища, ссудо-сберегательные товарищества и кооперативы вообще. В Белой-Церкви, например, Талмуд-Тора обращена в кло-

аку, флигель из 3-х комнат обращен в конюшню, хотя тут же имеется удобный навес, выломаны оконные рамы и печные двери. В самой Талмуд-Торе все уничтожено: парты, учебные пособия и т. п. Вот как описывается разгром ссудо-сберегательного товарищества в Россаве: казаки взломали ящики, шкафы, столы, архив, взломали склад и разграбили все товары. Долго они возились с несгораемой кассой, и, наконец, около часу ночи, взорвали все здание, подложив под кассу пироксилин.

Это массовое уничтожение жилых строений и торговых помещений, в связи с разорением от грабежей, от приостановки всей торговой и деловой жизни, и еще больше в связи с террором, который не прекращался даже в дни «тихого» погрома, привело к полному исчезновению десятков общин. Пренебрегая опасностью дорог, ставших буквально непроезжими и непроходимыми для евреев, от рыскавших по ним казаков и убийц,¹ оставшееся в живых население, нагое, босое и голодное, с больными стариками и детьми, пускалось в путь, часто в такие же разгромленные общины. На новых местах беженцы могли рассчитывать только на еврейскую благотворительность, которая становилась тем скуднее, чем больше возрастало число разгромленных пунктов и

¹ Вот что рассказывается об одном осколке такой беженской общины: 5 семей (ок. 30 душ) из Германовки (Киевск. губ.) после погрома укрывалось в местечке, дожидаясь благоприятных условий для бегства в Киев. Наконец, 8/21 сентября они пустились пешком. Они были найдены убитыми в 18 верстах от Киева. Из вагонов выбрасывали евреев на ходу или приканчивали тут же.

нуждающихся в помощи и увеличивалось количество беженцев. Здесь, в обстановке крайней скученности (в синагогах, общежитиях), голода и холода беженцы делались добычей эпидемий, особенно тифа, и тихо вымирали массами. Смертность возросла до того, что не успевали хоронить; для покойников была установлена очередь, чтобы быть преданным земле. И можно смело сказать, что если от казацких пуль и штыков евреи погибали тысячами, то многими десятками тысяч они погибали от последствий этого разгрома, от голода, холода и тифа.

Такова судьба десятков беженских общин: Борисполь, Боярка, Гостомель, Дымер, Игнатовка, Кагарлык, Кобище, Козин, Кривое-Озеро, Миرونвка, Мошны, Орлювец, Ольшаница, Попельня (Киевской губ.), Потоки, Рожев, Россава, Таганча, Тараща, Таргород, Яруга и др. Некоторые беженцы, пытавшиеся вернуться на родные пепелища, заплатились за это жизнью (Россава) или в лучшем случае должны были поспешно покинуть родные места (Боярка и др.). Здесь «бесхозные» дома жглись казаками или разбирались крестьянами окружающих деревень. Возвращаться больше некуда.

Но не лучше и положение разгромленных общин, оставшихся на местах. И здесь голод, холод и тиф косят сотнями и тысячами. Положение таких общин достаточно характеризует следующий официальный доклад о положении дела помощи в такой бывшей относительно-культурной и богатой общине, как Фастов (после погрома 22—26 сентября 1919 г.): 1. эвакуировали в Киев 75 тяжело раненых, 2. организовали 2 эпидемических ба-

рака на 500 человек, 3. 2 общежития, 4. кормили (в благотворительных столовых и сухим пайком) 6500 человек; ежедневно умирает по 10—20 человек. В маленькой общине Василькове 400 больных тифом (в ноябре 1919 г.) и т. д.

Жертвой добровольческих погромов сделались не только заметные местечковые еврейские общины, но и маленькие группы евреев в 5—10 семейств, заброшенные в селах и деревнях среди крестьян. Опытный глаз везде находил евреев: 5 еврейских семей в деревне Гоголенко (Черниговск. губ.) впервые были наделены землей после революции наравне с крестьянами; казаки разгромили их, и они еле спаслись бегством в Борзну.

Это вырывание с корнем еврейских хлебобобов вызывает особую щемящую боль даже в ряду всех ужасов пережитых многими общинами. Три еврейских земледельческих колонии приютились под Фастовым в море крестьянских деревень, три еврейских оазиса тяжелого труда и мирной пахарской жизни: Колдубицкая-Образцовая, Трилеса и Червленская. Землю они получили еще в начале XIX века, долгие годы отстаивали свою землю от покушений отнять ее у них; третье, четвертое поколение сидит на этой земле. Вот что сообщает о судьбе этих колоний специальный исследователь: Колония Колдубицкая. Первые грабежи учинены еще Петлюровцами (период Директории) при отступлении их в феврале 1919 г. В течение всего лета колония терроризировалась бандами, вновь вступившими и отступившими Петлюровцами (в августе), забран хлеб, угнана часть скота, сожжено несколько дворов, убито несколько человек. Колония все же

держалась. Но вот пришла Добровольческая Армия (в начале сентября 1919 г.). Начались грабежи, насилия, вымогательства. При отступлении (через несколько дней) казаки убили одного колониста, когда он на огороде копал картофель. Во время боев между Добровольческой Армией и большевиками под Фастовым колония очутилась под артиллерийским огнем. Все колонисты (200 человек) бежали в с. Веприк (их волость); дома остались только старики. Вскоре в Веприке появилась разведка Добровольческой Армии и, заметив евреев, собравшихся на сходе, стала обвинять их в бегстве вслед за большевиками и в шпионаже и собиралась расстрелять их. Спасло их энергичное заступничество волостного старшины и сельского старосты. После этого их повели в Фастов, по дороге ограбили, жестоко избили и увели всех девушек, из коих две не вернулись. Здесь в Фастове их поместили в синагоге, где они содержатся на счет благотворительности. Дома вырезали стариков (некоторых сожгли), увезли хлеб, угнали скот. Колонисты узнали своих коров в офицерских вагонах. Офицер готов их продать по 10 000 руб. за корову. Такова же судьба двух других колоний.

Жалуются еврейские пахари колонии Рыкунь (Дымерской вол., Киевского уезда) в прошении главноначальствующему, генералу Драгомирову: у них сначала угнали 10 коров, несколько лошадей, забрали всю домашнюю птицу, а потом весь скот 60 голов; умоляют вернуть им. И какой-то неизбывной тоской веет от заключительных строк этой бумаги: «Если лошади и скот не будут возвращены, колония перестанет существовать, и мы

должны будем пробираться в город или заниматься торговлей».

Остановимся еще на некоторых особенностях добровольческих погромов:

Офицеры.

Во время большого Киевского погрома в дни 17—20 октября в еврейских квартирах можно было сплошь и рядом наблюдать у нагрянувших посетителей изысканные манеры людей, получивших хорошее воспитание, слышать от них недурную французскую речь и даже хорошую музыку. Это «работали» офицеры Добровольческой Армии лейб-гвардейских Преображенского, Семеновского и т. д. полков, не позволявшие себе никаких «вольностей», но деловито и строго требовавших дани: денег, золота, серебра. Иной тут же, кетати, вежливо попросит носовой платок, непременно из тонкого полотна, и неизменно возвратит не пришедшийся ему по вкусу. Не везде офицеры, предводители всех этих осетинских, чеченских наездников, обнаруживали такое воспитание, зато они нигде в погромной славе не уступали своим светским товарищам, во многих случаях затмив этих последних. Как общее правило, офицеры разделяли погромный труд своих подчиненных прямо или косвенно. В Прилуках командир Семеновского полка, при виде солдата в рваных сапогах, говорит ему: «Что же, не можешь зайти к какому-нибудь жида и снять с него сапоги.» Такой же совет дает в Белой-Церкви полковник II батальона 2-ой Терской Пластунской бригады Щепетильников офицеру Яковлеву на просьбу дать ему материал на обмундирование («Тащи у жида, за это не наказывают»). Об офицерских грабежах сообщают из Богодухова, Борзны, Бори-

споля (офицер Любимов), Городище (штабс-капитан Светский и прапорщик Калгушкин), из Дымера (подполковник Безнебов), из Игнатовки, Корсуни, Кременчуга, Нежина, Прилук, Фастова, Черкасс, Томашполя, Ямполь, Куриловцы, Тетиева (Львов, Голицын) и т. д. В некоторых местах офицеры руководят погромом: Боярка, Россав, Кривое Озеро (оф. Млашевский), Могилев Под. (полк. Мизерницкий и др.). О погромной деятельности офицеров в Белой-Церкви, по показанию доктора С.¹, со слов д-ра Б., имеются такие сведения: в присутствии д-ра Б., упомянутого полковника Щепетильникова и нескольких офицеров прапорщик Кузичев со всеми подробностями рассказывал, как он растлил 10-ти летнюю девочку, рассказывал, как солдаты насиловали каждый день, и этот рассказ встретил явное одобрение полковника.

Сотник Живодеров, между прочими насилиями, отнял у еврея корову и продал ее за 22 тысячи руб. романовскими деньгами. Подэсаул Кундо имеет в вагоне 6 лисьих шуб, золотые часы и др. вещи, награбленные у евреев. Подэсаул Подшивалов (4-ой сотни) имеет у себя в вагоне панино. Прапорщик Инжуаров грабил специально врачей, хвастал тому же доктору Б., в присутствии фельдшера Салия, что одних зубоучебных инструментов у него набралось на 400 тысяч рублей. Хорунжий Бондаренко раз'езжал по городу без формы, чтобы удобнее было грабить, сказал д-ру Б., что раненых евреев нужно не

¹ Повидимому имеется в виду д-р Снисаренко, врач при 2 Терской Пластунской бригаде. Сведения были сообщены в то время, когда Добровольческая Армия господствовала еще на Украине.

перевязывать, а убивать. В некоторых случаях грабеж еврейского населения офицерами поражает своим цинизмом. В Черкассах в квартире Израиля Гальперина жил офицер Добровольческой Армии, подружившийся со всей семьей, проводивший в их обществе за чаем много часов. Этот офицер, при оставлении Черкасс Добровольческой Армией, с револьвером в руке до чиста ограбил гостеприимную семью. В Кременчуге один полковник увез даже мебель своих хозяев.

Не всегда, однако, офицеры были так непримиримы. Часто удавалось входить с ними в любовное соглашение, и они, за приличное их чину вознаграждение, из громил обращались в защитников, охраняя «жидовские» дома и лавки, составляя для этой цели даже артели. Так, например, в Золотоноше евреи платили офицерам комендантской роты по 15—20 тысяч рублей за ночь и благодаря этому было спасено много еврейских домов и лавок. То же имело место и в Шполе (офицерская дружина под начальством Усова за 50 тысяч рублей за ночь), в Киеве, Фастове и в других местах.

Легальный
грабеж, кон-
трибуция.

Практиковалась офицерами и другая, легальная, так сказать, форма грабежа, под видом «контрибуции». Это была привилегия старших офицеров, главным образом, комендантов и начальников гарнизонов. Делалось это так, что в то время, когда солдаты вместе с младшими офицерами «работают» в городе в еврейских квартирах, комендант или начальник гарнизона приглашает к себе казенного раввина и представителей еврейской общины и предлагает им внести «добровольное пожертвование» в пользу Добровольческой Ар-

мии, или просто сообщает им, что еврейское население обложено контрибуцией на такую-то сумму, и предлагает внести ее в кратчайший срок. Начинается торг и стороны приходят к соглашению. Такова картина в большинстве мест. Деконский, начальник Волчанского партизанского отряда, посылает 22-го декабря 1919 г. (4-го января 1920 г.) евреям в Кривое-Озеро формальное отношение: так как евреи до сих пор ничем не помогли Добровольческой Армии, то он требует приготовить ему к 24-му декабря 200 тысяч рублей и 25 пар сапог. 24-го декабря он действительно явился, получил требуемое и тут же учинил жестокую резню (свыше 600 жертв). Чем выше поднимается погромная волна, тем больше растет жертвенная готовность еврейского населения и тем больше поднимается расценка заслуг Добровольческой Армии в глазах «защитников»: комендантов, начальников гарнизонов. Был даже случай (в Лозовой, Екатеринославской губ.), когда комендант сначала в «благородном негодовании» против «жидов» отказался взять 50 тысяч руб. «окровавленных жидовских денег»; впрочем, гнев скоро сменился милостью, и деньги были приняты. Обычно же под'ем погромной энергии у подчиненных служит только поводом начальству для повторных и многократных требований жертв в пользу Добровольческой Армии, «проливающей кровь» за благо России (Бобровицы, Борзна, Фастов, через раввина Браславского и др.). В иных случаях контрибуция должна явиться выкупом «во избежание погрома» (Васильков и др.), «во избежание дальнейшего погрома» (Прилуки 200 тысяч руб.). «чтобы прекратить поджоги» (м. Тальное,

500 тысяч руб.), «во избежание дальнейших убийств, но без ручательства за прекращение грабежей» (комендант Рунцев в Фастове). Во всех этих случаях, однако, грабежи и убийства не избегаются, не прекращаются и не уменьшаются. Требование выкупа сопровождается часто весьма недвусмысленными намеками на последствия «упорства»: в много раз упомянутом у нас Новом-Мглине комендант по окончании погрома потребовал у еврейского населения 200 тысяч, угрожая в противном случае утопить еврейское население в реке.

За комендантами поспевает контр-разведка. В Прилуках начальник контр-разведки, Палеха, потребовал себе 250 тысяч (сверх данных коменданту 200 тысяч), угрожая погромом. Не отстает и государственная стража: в м. Степанцах систематическими вымогательствами (сверх грабежей и убийств) занимался Пампушка-Бурлак, известный бандит, поставленный Добровольческой Армией во главе стражи, и его заместитель Борбатенко.

Дань Добровольческой Армией требуется часто не только в виде денег, но и натурой разного рода. Так, например, комендант в Конотопе потребовал 200 комплектов белья, а в Городище мяса и цыплят на 10 тысяч руб. Но несомненно в ряду этих комендантов наиболее разносторонний вкус обнаружил комендант Михайловки (Харьковск. губ.). Он потребовал у еврейского населения через председателя общины Зельбета: 250 тысяч руб., золотые часы, 2 заграничных чемодана, 2 пары дамских туфель № 39, 2 пары чулок, перцу, свечей, табаку, спичек и т. п. и кроме того (перед отходом его части) росписку у Зельбета (так-

же и у ограбленных Лимина и Винницкого), что еврейское население осталось довольно и что Добровольческая Армия охраняла евреев.

Невольно задаешь себе после этого вопрос: неужели это все об офицерах? Неужели в этом Содоме не нашлось своего десятка праведников, честных, искренних и неподкупных, которые, хотя бы в интересах и в защиту чести самой Добровольческой Армии, к которой они могли принадлежать и по идейным соображениям, заступились бы за мучеников в дни пытки и позора, обнаружили бы иное отношение к ним?

На это приходится ответить: трогательно и свято народ хранит в душе и на устах память о человечности лиц и деяний. Почти в каждом месте называют имена лиц, заступившихся за евреев, укрывавших их в своих домах, даже просто сказавших им ласковое слово в эти тяжкие дни скорби и муки. Но среди этих лиц на долю офицеров Добровольческой Армии приходится ничтожно мало: называют в Фастове офицера Ильющина, охранявшего некоторых евреев (и то, по некоторым сведениям, не совсем бескорыстно), говорят о каких-то трех офицерах, которые в деревне Гоголенке предупреждали горсточку местных евреев о солдатах, грабящих евреев, и рекомендовали спрятать все ценное; говорят об офицере, который пытался сдерживать солдат во время резни в Боярке, и с болью передается о перенесенных им от них оскорблениях... единичные случаи, по пальцам сосчитать. Нет также никаких сведений о заявлениях протеста со стороны офицеров против погромов. При удивительной чуткости народной души, склонной ско-

рее преувеличивать, чем преуменьшать, как число, так и значение таких случаев, это значит одно: других случаев человечности среди офицеров не было. Небольшая горсть офицеров, если такая была, которая в душе, может быть, иначе относилась к евреям, в лучшем случае, из малодушия, предпочитала молчать, умыть руки, оставляя поле действия свободным, без протеста, без возражения, подавляющей массе их товарищей — громил, память о которых с проклятием и позором перейдет из рода в род.

Самообо-
рона.

Еврейскому населению, и, особенно, еврейской молодежи, давно уже было ясно, что при условиях военно-политической жизни на Украине наиболее надежной защитой жизни и чести является собственная вооруженная сила, что такая самозащита является во всяком случае вопросом чести. На алтарь такой самозащиты еврейство Украины принесло не мало жертв молодыми наиболее благородными жизнями¹. Этому сознанию, однако, ни в малейшей степени не соответствовала возможность. Каждый режим, будучи совершенно бессилен перед вооруженной до зубов деревней, откуда оружия нельзя было выкачать ни дубьем, ни рублем, усиленно занимался разоружением города. Особенно изощрялась Петлюровская власть в разоружении еврейского населения, причем, такое

¹ Например, в день вступления Добровольческой Армии в Киев 18 (31) августа предательским образом были расстреляны 37 юношей из еврейского отряда (части Киевской общегородской охраны). Впрочем, эта кровь лежит на совести Петлюровской армии, вступившей в Киев одновременно с Добровольческой Армией и вытесненной оттуда через день.

разоружение под видом обысков, служило часто ширмой для грабежей и поводом для насилий. Естественно, что после такого числа разоружений еврейское городское население, невооруженное вообще, лишилось всяких остатков оружия. Тем не менее в некоторых, считанных, впрочем, местах горсти еврейской молодежи удалось вооружиться, под видом ли общей городской охраны или прямо еврейской самообороны. Эта самооборона, могущая еще оказать сопротивление банде, оказалась бес-
 сильной в условиях военных погромов Добровольческой Армии, и в большинстве случаев кон-
 чила плачевно. Не обошлось и без провокации. В Городище, после ухода Советской власти 3/16 августа, город охранялся в течение недели город-
 ской охраной из 50 евреев и 20 христиан. 9/22 августа в местечко прибыл (из Смелы) эшелон ка-
 заков под начальством штабс-капитана Светско-
 го. Появились 12 казаков, которые сейчас же на-
 чали грабеж. Был запрошен начальник эшелона, находившийся с прочими казаками на вокзале. Его
 ответ гласил: это не его казаки, а переодетые бан-
 диты. Охрана дала залп в воздух, и «бандиты»
 разбежались. Через 2 часа в местечко явился
 штабс-капитан Светский с претензией, почему
 стреляли в его казаков, и потребовал сда-
 чи оружия. Охрана колебалась: местечко окружено
 бандами, и в случае ухода Добровольческой Ар-
 мии еврейскому населению грозит резня. Но Свет-
 ский дал «честное слово русского офицера», что
 никто не пострадает, и оружие (50 винтовок) не-
 медленно было сдано ему. Сейчас же после этого
 начался погром, длившийся 9 дней.

В Корсуни после 1-го погрома (13—26 августа)

с разрешения власти была организована еврейская самооборона. При отступлении Добровольческой Армии, в середине декабря, офицерская дружина начала опять громить еврейское население. Еврейская самооборона прогнала дружину и прекратила погром. Проходивший вскоре после этого Волчанский отряд разоружил еврейскую дружину и уже после этого беспрепятственно учинил погром.

Там, однако, где у еврейской молодежи чудом осталось оружие в руках, она с'умела дать отпор военным громилам. Еврейская самооборона в м. Стеблеве оказала сопротивление казакам и, не без военной хитрости, выбила их из местечка. После этого самообороной было отбито нападение банды в 400 человек под командой некоего Туза, причем самообороной были взяты трофеи: 3 пулемета, винтовки, снаряжение и т. п. При отступлении казаки в местечко не впускались и проходили мимо.

IV. Причины погромов. Погромы, как часть военной и политической программы. Отношение высшего командования.

Мы уже видели, что погромы Добровольческой Армии явление не частное, а общее, неизменно сопровождающее весь ее путь отголовокружительных успехов до тяжкого поражения, что погромы являются неотъемлемой частью военного быта Добровольческой Армии. В чем же заключаются причины этого явления? Где внутренние пружины, толкавшие на путь грабежей и насилий

большую армию, шедшую под флагом «спасения России», установления «власти и порядка», руководимую старыми опытными генералами, столпами военной дисциплины? В чем заключается связь особенностей этого военного быта с военной необходимостью или программой?

Раньше всего о поводах к погромам. Под поводами, в отличие от причин, как понятия более об'емлющего и глубокого, мы разумею частные явления и события местного характера (поведение местного еврейского населения, столкновения, обострение отношений и т. д.), которые в состоянии вызвать вспышку в данном месте. Все обстоятельства возникновения и развития погромов неопровержимо свидетельствуют, что в большинстве случаев даже таких внешних поводов не было. Достаточно вспомнить, что погромы начинаются обычно сейчас же по вступлении воинской части, до всякой встречи с местным еврейским населением, а в иных местах — сигналом к погрому служит появление еврейской делегации с хлебом-солью. В некоторых местах, как на «повод» указывают на провокационные слухи о «еврейской стрельбе» в Добровольческую Армию в тех случаях, когда она вытеснялась большевиками (часто на несколько часов, как например, в Корсуни) и вслед за тем вновь возвращалась (Борзна, Нежин, Новый Мглин, Фастов, Киев и нек. друг.). О такой «еврейской стрельбе» по отступающим добровольцам в Новом-Мглине (Черниговск. губ.) официально сообщалось в оперативной сводке штаба армии, причем тут же сообщалось, что против этого «приняты меры», не трудно догадаться, какие. О такой же

Поводы к погромам.

стрельбе в Киеве в дни 14—19 октября, когда происходили уличные бои с ворвавшейся горстью красноармейцев из Ирпенской группы, широко оповещал «Осваг» (Осведомительное Агентство, официальное учреждение). Не говоря уже о недостаточности этого повода, применимого в худшем случае к ограниченному числу мест, для объяснения происхождения погромов на всей территории Добровольческой Армии, имеется целый ряд фактов, и даже специальное обследование, решительно опровергающие эту погромную версию. Во время большого погрома в Киеве в дни 17—20 октября 1919 г. официальная Киевская газета «Вечерние Огни» (в № № 38, 39, 40) привела несколько случаев «еврейской стрельбы». Специальное обследование этих случаев, произведенное представителями ряда умеренных и более чем умеренных политических и общественных организаций («Союз Возрождения России», «Национальный Центр», «Национальное Об'единение», «Союз Учителей», «Союз городов» и т. д.), обнаружило, что все эти случаи вымышлены редакцией газеты или ее информаторами, и весьма неудачно. Приведем один из этих случаев стрельбы (№ 13) из дома № 18 по Крещатику. «3/16-го октября, сообщают «Вечерние Огни», с крыш (дома № 18 по Крещатику) стреляли из пулемета 4 еврея и 1 русский, которые были сняты с крыши и расстреляны». «Дом № 18 по Крещатику, гласит обследование, оказывается Киевской Городской Думой. По этому поводу Комитетом курьеров Думы отправлено письмо в редакцию «Вечерних Огней», из коего видно, что еще 2/15 октября на Думском

балконе Волчанским отрядом¹ был водружен русский национальный флаг и того же числа в Думе уже работал питательный пункт, поэтому не могло быть такого положения, чтобы 3—16 октября стреляли из пулемета с крыши Думы». Таким же образом были опровергнуты и другие «факты» «еврейской стрельбы».

Это опровержение было расклеено в Киеве на столбах, и газета «Вечерние Огни» не нашлась ничего возразить. Никаких фактов «еврейской стрельбы» не опубликовала также официальная комиссия сенатора Гуляева, учрежденная специально с целью раз'яснения этих «фактов» и, надо полагать, не из любви к евреям.

Не лучше обстоит с Ново-Мглинской стрельбой. Здесь немногочисленное еврейское население (70 семей) живет рядом с христианским. Во время борьбы Добровольческой Армии с большевиками за обладание этим городом последний подвергался артиллерийскому и пулеметному обстрелу; жители, евреи и христиане, ходили друг к другу укрываться от обстрела в погребах. В последний раз перед прочным занятием города Добровольческой Армией евреи пошли прятаться к христианам, так как обстреливался еврейский район, выходящий к реке Днестру. Большевики, бывшие в городе, засели в пустые еврейские дома и оттуда стреляли. Непричастность «евреев» к стрельбе засвидетельствована делегацией христианского населения к коменданту.

Имеется даже специальное «удостоверение»,

¹ Известный погромный отряд, стяжавший себе погромную славу в Корсуни, Фастове и в других местах.

выданное 2—15 октября 1919 г. жителями местечка, христианами, за подписями, засвидетельствованными Городской Управой, в котором говорится следующее: «Мы, нижеподписавшиеся, жители м. Новый Мглин сим удостоверяем, что, вопреки сообщению в № 21 газеты «Киевлянин» от 14—27 сентября 1919 г., еврейское население местечка никаких враждебных действий по отношению к Добровольческой Армии не предпринимало и никакой стрельбы не производило». Удостоверяется также, что никаких обостренных отношений между еврейским и русским населением не было, и что еврейское население активного участия в Советских учреждениях не принимало (Подписали: кандидат юридических наук землевладелец Григорий Иванович Пилипенко, начальник местного почтово-телеграфного отделения Ющенко, Александр и Петр Хотнюк, учительница Елисина и т. д. Среди подписавшихся — значительное число гласных Городской Думы).

Так же обстояло дело с «стрельбой» в Фастове и в других местах.

С другой стороны, имеются определенные указания на организацию погромов в этих случаях на расстоянии, и в самой начальной стадии военных перипетий. Жители Киева (христиане, отчасти евреи), бежавшие 14 октября вместе с Добровольческой Армией в Дарницу, указывают на усиленную агитацию в этом месте за погром в Киеве, когда ни о какой «еврейской стрельбе» фактов еще не могло быть, и никого еще «с крыш с пулеметами» не снимали. Аналогичные сведения имеются и о Фастове в дни вынужденного отхода Добровольческой Армии в Кожанку.

(ближайшую станцию). Передается со слов д-ра Снисаренко (врача при отступившей в этом месте 2-ой Терской Пластунской Бригаде), что начальник бригады Белогорцев обещал «отдать Фастов» тем казакам, которые его возьмут.

С очевидностью выступает здесь недостаточность повода «еврейской стрельбы», или «кричания ура» вступившим большевикам (Фастов), для объяснения даже тех немногих случаев, когда он приводится, тем более, что во всех этих случаях погром собственно начинается раньше, сейчас же при первом победном вступлении (как и в других местах) и впоследствии, после «стрельбы» принимает только более резкие формы.

Подозрительность «еврейской стрельбы» тем более бросается в глаза, что говорится об этом после «принятия мер» и не непосредственно участниками погромного дела, а лицами и группами, стоящими за их спиной, гораздо более чуткими к общественному мнению, особенно в обстановке гражданской войны и при сложной международной ситуации. Сведения о «еврейской стрельбе» должны служить оправданием «принятых мер», и невольно возникают вопросы: что чему предшествует? Сведения или «меры»?

Кому нужно это объяснение?

Нужно ли оно казакам, прибывающим в вагонах с самодельной надписью «бей жидов, спасай Россию»?

Очевидно, мы имеем здесь погромную готовность, предрешенность, и объяснение этому явлению нужно искать в чем-то более глубоком, органическом.

Доброволь-
ческая Ар-
мия: состав,
снабжение.

Добровольческая Армия комплектовалась больше всего из добровольцев, партизан. Были и попытки принудительной мобилизации населения, но, повидимому, большого успеха они не имели. Характерно для этой армии: изобилие офицеров, бежавших из Советской России, и численное преобладание казаков, особенно наездников восточного происхождения: диких племен, чеченцев, осетин и т. п. Один из столпов Деникинской диктатуры, член Деникинского правительства К. Н. Соколов, в своей книге: «Правление генерала Деникина» (София, 1921 г.), к которой нам придется еще возвращаться, так объясняет это преобладание казачьих и восточных элементов в Добровольческой Армии в момент ее образования (осень 1918 г.): «Трагедия наша заключалась в том, что в то время, как наша военная опора, — кубанское казачество, — находилась под демагогическим влиянием черноморских украинофилов, иногородняя (на Кубани) русская часть населения поставляла большевиков, полуленинцев или более умеренных представителей «революционной демократии». Наша военная ставка была на казачью силу, и недаром генерал Деникин писал в августе Кубанскому Атаману: «Несомненно, что только казачье и горское население области, ополчившееся против врагов и насильников, ... имеет право устраивать судьбу родного края» (стр. 57).

Офицеров же в Добровольческой Армии было столько, что из них комплектовались целые воинские части, и генералы командовали ротами. Очевидец событий и такой посвященный человек, как упомянутый уже В. В. Шульгин, редактор «Киевлянина», вспоминая печальные для Доброволь-

ческой Армии дни 14—19 октября в Киеве, с восторгом рассказывает, как никто иной, как генерал Драгомиров (главноначальствующий области), во время позорного бегства останавливал на Цепном мосту офицеров и юнкеров, составил из них роту и тут же направил их обратно против большевиков.

О моральном состоянии этой армии из офицеров и диких племен отдаленной окраины России ко времени продвижения этой армии в глубь Украины мы имеем высоко — авторитетное мнение ее верховного вождя, генерала Деникина. 26-го июля (8 августа) в 2 часа дня генералу Деникину в Ростове н-Дону представлялась еврейская депутация в составе председателей еврейских общин: Екатеринославской — М. С. Брука, Харьковской — д-ра Л. Б. Виленского, Ростовской н-Д. — д-ра З. Гольденберга и Таганрогской — д-ра А. Я. Евинзона. Между прочим депутация жаловалась на насилия, чинимые Добровольческой Армией над еврейским населением в Харьковской губернии, в Екатеринославе и др. На это генерал Деникин ответил: «Да, трудно ожидать чего-либо хорошего от людей, совершенно оподлившихся. Это ведь не добровольцы, идейно шедшие в армию, ... это ведь сброд».¹

Если не идейные мотивы и не принуждение, то что же толкало совершенно «оподлившихся»

¹ Беседа еврейской депутации с генералом Деникиным записана с ее слов и прислана редакционной коллегии из Харькова вместе с материалами о погромах, собранными Харьковской еврейской общиной; беседа эта, насколько мне известно, до сих пор не опубликована.

людей и «сброд» идти на такое рискованное дело, как «спасение России»? Быть может, богатое снабжение, жалованье? Отнюдь нет! Упомянутый уже К. Н. Соколов, лицо наиболее осведомленное, так характеризует снабжение армии: «Наша армия была неизменно плохо снабжена, одета и оплачена. Военнослужащие на фронте получали такие же грошечные оклады, как и тыловое чиновничество, частью, в связи с перемещениями фронта и недостатком денежных знаков, они подолгу не получали вообще ничего. Плохо обстояло дело и с обмундированием... К осени (1919 г.) уже было ясно, что с наступлением морозов войска будут мерзнуть» (стр. 192). Такой же ответ на вопросы имеем от лица не менее авторитетного, идейно и лично тесно связанного с Добровольческой Армией, ее верховным командованием и политическими ее руководителями. Мы имеем здесь в виду статью В. В. Шульгина «Две армии» («Киевлянин» № 67 от 13—26 ноября). Противопоставляя Добровольческую Армию большевистской, В. В. Шульгин высказывается о состоянии и проявлениях первой в тоне теоретически условном, сквозь который, однако, отчетливо просвечивает настоящая реальность. В. В. Шульгин устанавливает положение, что «Добровольческая Армия имеет своей задачей защитить и спасти мирное трудовое население от страшного нашествия взявших за винтовку бездельников», и отсюда он делает вывод: «Но если так, то Добровольческая Армия стала бы в трагическое противоречие сама с собой, если бы источником ее существования был грабеж». Этот прозрачный намек на «источник существования» Добровольческой Армии еще более

подчеркивается в следующем объяснении этого явления: «Разумеется, скажут: никому и в голову не пришел бы никакой грабеж, если бы армия получала все, что ей полагается, не холодала и не голодала, а ведь вы справьтесь, когда... Это чистая правда. В значительной мере привычка к грабежу образовывается в силу жестокой необходимости».

Более определенно и откровенно повествует об этом «источнике существования» Добровольческой Армии К. Н. Соколов: «В тылу, кто мог, поправлял свои дела подсобными, более или менее «безгрешными» доходами. На фронте делать это было еще проще. «Реалдоб» (реализация военной добычи) вошел в нравы наших войск еще в то время, когда «реализация военной добычи» была главным, если не единственным источником средств Добровольческой Армии. Рядом с «реалдобом», закономерным и даже подотчетным, укоренился групповой или индивидуальный «реалдоб», который представлял собою ни что иное, как самый откровенный грабеж. В тыл чаще и чаще приходили сведения о громадных денежных капиталах, скопляющихся и в отдельных руках и у целых воинских частей... Как-то зимою нам пришлось наблюдать в Ростове поезд одного популярного военачальника, следовавшего на отдых со своими «ребятами». Это был поезд-гигант из многих десятков вагонов, груженных мануфактурой, сахаром и разными другими припасами. На время ими были забиты все пути ростовского вокзала» (стр. 193—194).

Из этой «жестокой необходимости» Шульгин видит выход в том, что «выгоднее численно сравнительно меньшая армия, но всем необходимым

хорошо снабженная, чем армия, хотя и численно большая, но добывающая источники существования по способу Валленштейна, т. е. получая все необходимое путем грабительских действий». Приведем еще пророческий финал этого рассуждения: «ибо такая армия не долговечна».

Итак из самых авторитетных и преданных Добровольческой Армии уст мы имеем следующую характеристику Добровольческой Армии: 1. «совершенно оподлившиеся люди», идущие в армию отнюдь не по идейным соображениям (и не по принуждению); 2. армия, самоснабжающаяся «по способу Валленштейна» или «реалдобом», т. е., грабежом.

В этих признаниях можно отчасти найти объяснение тому явлению, что родственными Добровольческой Армии делаются весьма сомнительные элементы, часто откровенные разбойники, как И. Т. Струк. На этом последнем и на карьере его в Добровольческой Армии стоит остановиться несколько подробнее. Илья Тимофеевич Струк, крестьянин с. Грины, Горностайпольской волости, Киевской губ., кончивший земскую школу, начинает свою военную карьеру еще в 1917 г., в эпоху Центральной Рады на Украине, организацией отряда т. н. «вильного казачества», т. е. украинской национальной армии. В эпоху гетманщины и немецкой оккупации (март-ноябрь 1918 г.) он оказывается не у дел и занимается спекуляцией и сбытом фальшивых денег, за что и преследуется властью. Во время восстания украинской Директории против гетмана он организует повстанческий отряд, занимается взиманием «контрибуций», т. е. систематическим вымогатель-

ством у евреев в районе Горностайполя-Чернобыля и между прочим убивает в м. Малине почтового чиновника (начало января 1919 г.). За этот подвиг комендант Малина арестует его и отправляет в Киев, где его освобождают. В начавшейся к этому времени борьбе большевиков против Директории он становится на сторону первых и выпускает в этом духе «манифест» к крестьянам. При первом столкновении с войсками Директории он изменяет большевикам и переходит вновь на сторону украинцев. Вслед за этим он во главе шайки разбойников занимается систематическими нападениями на еврейское население, устраивает жестокие погромы в Горностайполе, Чернобыле и др. местах, и с тех пор в течение первых 9 месяцев 1919 г. имя его не сходит со столбцов погромной хроники на Украине. Последние погромы его шайки с лозунгом: «бей жидов, спасай советскую власть без коммуны» относятся уже ко времени прихода в Киев Добровольческой Армии. Это, однако, не мешает генералу Бредову, начальнику Киевской группы Добровольческой Армии, принять этого разбойника в ряды Армии. Струку дается поручение организовать «I-ый малороссийский партизанский отряд», и ему жалуются чин полковника этого отряда (сентябрь 1919 г.).¹ О прошлом Струка генерал Бредов был прекрасно осведомлен. Об этом подал ему записку некий Мельниченко (христианин), отлично знавший Струка; об этом же профессор Одинец, председатель Областного Комитета «Союза Возрождения России», снабженный еврейскими кру-

¹ См. газ. „Киевская Русь“ № 5 от 25 ноября 1919 г.

гами всеми материалами о «деятельности» Струка, вплоть до печатных погромных воззваний последнего, лично докладывал Бредову.

Новая ориентация Струка не мешает последнему вести старую погромную работу. В течение всей зимы он со своей шайкой, перекрасившейся в национально-русские цвета, под крылом Добровольческой Армии, непрерывно терроризирует еврейское население на Подоле (Киев), вымогая у него «контрибуцию». При отступлении Добровольческой Армии из Киева мы встречаем Струка в Одессе, где он занимается тем же, под видом организации «крестьянского отряда» (январь 1920 г.).²

При таких условиях приобретают также особую, прямо осязательную реальность многократные заявления казаков и чеченцев «спасителей России» о данном им «праве погулять 3 дня», заявления, сделанные казаками своим жертвам в десятках мест. Необходимым условием выполнения такой армией боевых заданий является, очевидно, известная компенсация, и такой компенсацией должны служить города и их население (или часть населения). Мы уже видели, что такая «отдача города» является у командира 2-ой Терской пластунской бригады Белогорцева методом поднятия боевого духа армии с целью «освобождения» Фастова. Одной из депутаций в Кременчуге, умолявшей о приостановлении погрома, комендант откровенно заявляет, что казакам город отдан их начальством на 3 дня. Такое же заявление делает депутации комендант в Городище (на 48 часов, зато с прибавкой «для наших це-

¹ Воззвание Струка в газ. „Одесский Листок“ № 14, от 15—28 января 1920 года.

лей»), и много других откровенных комендантов, начальников гарнизонов и т. д.

В. Шульгин оказался не только правым в оценке деятельности Добровольческой Армии в области самоснабжения, но и дальнзорким в понимании ее судьбы. Его пророчество о «недолговечности» такой армии вполне оправдалось, и гораздо раньше, чем он это думал. Осуществилось оно раньше всего на полях погромных битв. Распад армии дошел до того, что когда 2 солдата измайловца на улице среди бела дня начали раздевать евреев, и офицер местной роты потребовал, чтобы они оставили евреев, то один солдат поднял винтовку и выстрелил в офицера (Прилуки, аналогичные сообщения из Белой-Церкви, Боярки и др. мест).

Мы еще увидим, почему «город» означает неизменно «евреев». Но сказанного уже достаточно, чтобы понять, что если в том же Новом-Мглине, о котором выше шла речь, казаки заявляют о своем «праве 3-х дней», то это объяснение погрома куда правдивее, реальнее и убедительнее, чем официальная версия о еврейском «предательстве».

«Сброд» и самоснабжение «по способу Валенштейна» это, так сказать, материя, плоть погромного дела. Этой материи необходим дух, идеология. Материя, ничем не регулируемая, могла зайти слишком далеко. «Грабежи с еврейского населения переходят уже на русское», жалуется начальник гарнизона в Белой Церкви, полковник Сахаров (приказ № 10 от 1—14 октября) и это дает ему основание требовать прекращения погрома. Опасность такого направления силы материи слишком очевидна, чтобы оставить

Идеология
социальная
и политическая
программа.

ее без всякого регулирующего начала. «Жестокую необходимость», в интересах самосохранения, нужно было ввести в известные берега, направить в определенное русло. И тут уже естественно возникает мысль об использовании этой урегулированной «необходимости» для военной программы Добровольческой Армии, направленной против большевиков. Идеология должна соответствовать этим основным заданиям, связать «битие жидов» с «спасением России», т. е. с борьбой против большевиков. И такую идеологию не приходилось искать или придумывать, ее можно было найти готовой в арсенале старого царского режима, особенно в практике еврейского вопроса во время мировой войны (евреи — враги России, евреи предадут русскую армию и т. п.).

Первый по времени, известный нам «плод мучительных дум» Добровольческой Армии относится еще к концу ноября 1918 г., когда Добровольческая Армия была только в стадии формирования. К борьбе только готовились, пока же воевали не за Россию, а за симпатии тех, которые должны спасти ее; нужно было 1. выяснить то заманчивое, что сулит им победа Добровольческой Армии, 2. точно указать, кто враг, против кого ведется война. Эту цель имеет, очевидно, в виду воззвание «Голос к Русскому Народу от Южной Армии», изданное за подписью «Южная Армия» 24-го ноября (7 декабря) 1918 г. в Ростове на Дону. Воззвание начинается с пункта 2, с врага. Дается раньше всего длинный обзор того, «что дали народу социализм и большевики». «Россия изменила Союзникам, все уничтожено, разграблено и т. д. Кто же виноват во всем этом?» На

это дается такой ответ: «Им, этим жидам: Бронштейну (Троцкий), Нахамкесу (Стеклов), Цедербауму (Мартов), Гольдману (Горев), Кирбису (Керенский), Либерману (Чернов) не нужна Россия и благо русского народа: они мечтают и стремятся уничтожить Россию и обессилить русский народ во взаимной вражде и грабежах».

Эта монополярная роль «жидов» в разрушении России подчеркивается в воззвании несколько раз: «А чтобы вернее одурачить этот народ, они даже фамилии свои изменили: Лейба Бронштейн взял себе фамилию Троцкий, Либерман назвался Черновым, Кирбис — Керенским» и т. д. «Кроме разрушения физического, они Бронштейны, Нахамкесы и т. д. развратили душу народную».

Эти «жиды» «одурачили» народ, добились того, что все попорно, изломано и т. д., и кроме того они научили «избивать священников и снимать иконы» и «вместо одного царя дали много царьков (да еще из жидов)».

I-ый пункт, цель борьбы, формулируется, между прочим, следующим образом: «Не говорят они («жиды») и того, что грабить и разорять помещиков, это все равно, что себя разорять: во первых, помещик тот же свой русский человек, вышедший из того же русского народа; во-вторых, земля его всегда лучше обрабатывалась и давала народу и государству лучший хлеб, лучший скот, лучшие продукты....

«Они говорят: давайте поделим всю землю. А по сколько каждому достанется, того не говорят. А между тем земли помещичьей немного и во многих местах ее и вовсе нет: значит делить придется не на всех»...

И «Южная Армия» обращается с горячим призывом к русскому православному народу: «перестань продавать Россию жидам», «сбрось с себя иго жидов».

Таким образом, программа «Южной Армии» сводится вкратце к следующему:

1. Цель: крупное землевладение должно остаться нетронутым, потому что а) помещик «свой человек», б) да и взять то с него нечего («земли немного»).

2. Враг: Враг — это «жида», и только жида: Керенский, Чернов и др. — это не более, как переодетые жида. Жида стремятся уничтожить Россию и глумятся над православной церковью.

3. Путь к цели: сбросить с себя иго жидов.

Эта программа, в зависимости от обстоятельств, претерпевает некоторые метаморфозы: то, что можно было свободно говорить о помещичьей земле богатому и среднему крестьянству Дона, Кубани, южных степей, то явно неудобно на Украине, где у значительной части крестьянства ощущается острое малоземелье, где, наконец, Советская власть отняла уже у помещиков землю, которая фактически перешла в крепкие крестьянские руки. Это поняли и генералы, и в зависимости от этого руководители Добровольческой Армии в дальнейшей формулировке программы опускают пункт о помещике, делают даже намеки на земельные «улучшения».

Об аграрной реформе, как и о других пунктах социального и политического законодательства Добровольческой Армии, явно клонивших к ре-

ставрации «старого режима» можно было бы сказать очень много. Но в тесных рамках настоящей работы мы вынуждены ограничиться самым необходимым. И лучшим свидетелем этого курса является один из его творцов, тот же К. Н. Соколов, в вышеназванной его книге. Вот что он говорит об этом: «Хотели и земельный вопрос разрешить по хорошему, по праву, чести и справедливости. 24-го марта 1919 года в программном письме генерала Деникина по аграрному вопросу говорилось в первую голову о «сохранении за собственниками их прав на землю». Мы несли, таким образом, за собой восстановление прав помещиков» (курсив наш, Н. Ш.). К. Н. Соколов, лично несогласный с этой политикой и считавший необходимым «легализовать земельные захваты», «как политически-целесообразное», хотя и «морально-предосудительное» решение аграрного вопроса, оговаривается, что восстановление прав помещиков имелось в виду только «юридическое», чтобы «дать удовлетворение нарушенному праву и обосновать притязания землевладельцев на вознаграждение». Он вынужден, однако, признать, что «на практике дело иногда доходило до фактического, насильственного восстановления помещиков» (стр. 287). «Бывали вопиющие случаи покровительства помещикам и преследования крестьян» (стр. 187). Но дальше он рассказывает уже не о «вопиющих случаях» произвола, а о правительственной программе: «В двадцатых числах июня 1919 г. (т. е. тогда, когда Добровольческая Армия быстро подвигалась вперед по Украине) были изданы правила о сборе урожая. Из урожая трав пра-

вительство обещало половину посеvщику, половину помещику, из урожая хлебов две трети посеvщику, одну треть помещику» и т. д. (стр. 188).

Таково было решение аграрного вопроса «по чести и справедливости». Не лучше обстояло дело с рабочим вопросом. Сам К. Н. Соколов на это махнул рукой: «С рабочими дело обстояло у нас в корне безнадежно. Рабочих, как обывателей, мы не могли удовлетворить... просто благодаря нашему бессилию наладить жизнь... Не на рабочих и должна была быть наша главная ставка, а на крестьянство» (стр. 186). Как удовлетворяли эту главную опору, мы уже видели.

Наконец, о национальном вопросе. И здесь даже К. Н. Соколов, будучи радикальнее своих товарищей по правительству в аграрном вопросе, решительно заявляет: «С кем, действительно, мы были в открытой и постоянной вражде, так это с украинскими политическими группировками петлюровско-самостийного толка» (стр. 283). Можно было бы думать, что была попытка сговориться с более-умеренными украинскими группами. Автор спешит, однако, исправить такое ложное толкование и тут же заявляет, что «слишком прямолинейной политикой в малорусском вопросе мы оттолкнули от себя и умеренные круги малорусского общества, стоящие на почве федерации с Россией» (стр. 283). Известно, как осуществлялась эта прямолинейность. Украина была разбита на 3 области (Киевская, Харьковская и Новороссийская) и отдана на с'едение генералу Драгомирову и его учителю В. В. Шульгину,

старому душителю украинской нации, заявившему в I-м номере своего «Киевлянина»: «Да, этот край — русский... Мы не отдадим его ни украинским предателям, покрывшим его позором, ни еврейским палачам, залившим его кровью» («Киевлянин» № 1, 21 августа (3 сентября) 1919 г.). Само название «Украина» перестало существовать, и край вновь переименован в «Малороссию». «Малороссиянам» же в воззвании генерала Деникина за покорность судили «единую, неделимую Россию» и казенную русскую школу. «Малороссияне» могут иметь школу и на родном языке, если они таковую... сами будут содержать на свои средства. Словом, — Украину вернули к временам Николая II при министре народного просвещения графе Игнатеве.

И суммируя всю эту политику, К. Н. Соколов вынужден признать ее результаты: «Неблагополучно... Интеллигенция недоверчива, рабочие угрюмо-враждебны, крестьяне подозрительны» (стр. 162). Эта «подозрительность» выразилась, как известно, в массовых восстаниях крестьян против Добровольческой Армии. Крестьяне в тылу этой армии поддерживали большевиков, петлюровских и всяких иных атаманов, в частности неуловимого предводителя большой шайки, популярного «анархиста» Махно, который «гулял по территории, подчиненной Главнокомандующему (Деникину), брал Екатеринослав, захватывал железно-дорожные узлы» и т. д. (стр. 190).

Таков был социальный и политический курс верхов, делавших политику. Но и этот курс оказывается слишком левым, «кадетским», для офици-

церской массы. Замечается «политическое расхождение между ним (диктатором Деникиным) и добровольческим офицерством... Генерал Деникин оказался «левее» своей армии» (стр. 195). К. Н. Соколов оговаривается, что «было бы несправедливо огулом называть все это офицерство «реакционным» и «помещичьим». Однако, он вынужден признать, что «наиболее активной его части был несомненно чужд тот формальный «либерализм», который отчасти по убеждению, отчасти по расчету (для экспорта, Н. Ш.) культивировался в Ростове и Таганроге» (стр. 195).¹

В одном пункте, однако, такого расхождения не было — это в еврейском вопросе, и К. Н. Соколов определенно говорит о «повально-антисемитском настроении массы, особенно военной» (стр. 103—104, курсив наш).

При таком курсе и при таких настроениях в массе Добровольческой Армии пункт о «жидах» в программе Добровольческой Армии приобретает особое значение. Этот пункт, в виду зияющей прорехи в других пунктах, теперь получает в агитации доминирующую роль, и «жида-большевики» являются главным гвоздем всей «просветительной» работы Добровольческой Армии.

Погромная
агитация.

Сейчас же по вступлении Добровольческой Армии в какой-либо город появляются на стенах

¹ К. Н. Соколов откровенно признает, что весь «либерализм», в частности декларация (март 1919 г.) о целях Добровольческой Армии, предназначались «для экспорта» (стр. 123). «Представители союзных правительств при ставке указали Главному командованию на желательность таким либеральным заявлением рассеять подозрения насчет нашей реакционности» (там же).

приказы о борьбе с «жидовскими комиссарами», офицеры выступают с речами о «жидах» на крестьянских сходах (князь Урусов в Бобровицах и друг.); агитации против «жидов» дается неограниченный простор. Высшая военная власть не отстает в этом отношении от низшей. Вот как, например, «селянам» Киевской губернии популярно излагается смысл большевизма в воззвании о мобилизации: «Ну, что такое был раньше главный предводитель большевиков, Троцкий? Так себе маленький еврейчик, Лейба Бронштейн, которого хороший человек и в хату не пустит. А теперь? Ого, теперь он великий пан: за место царя в Москве сидит». («Селянам про мобилизацию» 25 октября — 7 ноября 1919 г. Воззвание расклеено также по г. Киеву и перепечатано в «Киевлянине» и официальной «Народной Газете»). В официальных оперативных сводках, исходящих от штабов, на «еврейскую стрельбу» указывается, как на причину неудач Добровольческой Армии (зЫшеупомянутый случай в Новом-Мглине); или подчеркивается исключительная роль евреев в Красной Армии («оказывают особенно упорное сопротивление», численное преобладание их в воинских частях). В более тонкой форме генерал Бредов поддерживает версию о «еврейской стрельбе» в Киеве при самых трагических для Киевского еврейства обстоятельствах. В дни 14—19 октября, как известно, на улицах г. Киева шла борьба с ворвавшейся частью красноармейцев; в городе шла ожесточенная травля евреев: готовился погром, и были пущены слухи о «еврейской стрельбе» в Добровольческую Армию. 17—18 октября Добровольческая Армия победила,

и погром был уже в полном разгаре. В это время генерал Бредов, в приказе (от 5—18 октября) о борьбе с погромом, следующим образом успокаивает «возмущенных» добровольцев: «Добровольцы, мужество перед врагом и милосердие к мирному населению и даже к поверженному врагу должны быть вашим украшением». Не трудно доказать, кто этот «поверженный враг» в покоренном г. Киеве. В более откровенной, грубой форме тоже самое делает другой генерал Мамонтов, предпринявший в сентябре 1919 г. глубокий рейд в тылу у большевиков. В своем воззвании к населению (сентябрь 1919 г.) он обращается к крестьянам: «Вооружайтесь и поднимайтесь против общего врага нашей русской земли, против еврея большевика - коммуниста. Близок час, когда мы сможем свободно вздохнуть и освободиться от насилия дьявольских рук, заковавших нас в рабство, уничтоживших нашу веру, нашу церковь... Да будет уничтожена дьявольская сила, живущая в сердцах евреев коммунистов».¹

Этот пункт об «уничтожении веры православной», издевательствах над православной церковью является одним из излюбленных приемов, рассчитанных на верный эффект в среде темной крестьянской и мещанской массы. Вслед за генералом эту легенду повторяет известный уже нам «полковник» Струк, в своем воззвании: «закрываются церкви, надругаются над святынями...» (Одесса,

¹ Воззвание приведено в книге „Русская Республика“ полковника Малона, депутата английской палаты общин. Приведенный нами русский текст является переводом с английского.

январь 1920 г.). «Все святые угодники зовут вас стать в ряды, чтобы заставить дьявольское племя дать жить свободно и веровать всем христианам» (Киев, ноябрь 1919 г.).

В смысле материала для агитации Добровольческая Армия обнаруживает большую находчивость и ловкость. Даже погромы и те используются против «жидов - коммунистов». Оказывается, что погромы устраивают сами же евреи. И Нежинский комендант, например, просит «верить, что в большинстве случаев в грабежах и насилиях принимают самое деятельное участие наймиты Троцких - Бронштейнов, Нахамкесов и т. д.», конечно, с целью скомпрометировать Добровольческую Армию (приказ № 11 от 12—25 сентября 1919 г.).

Рядом с военными властями агитацией занимаются официальные учреждения, созданные специально с этой целью, как «Осваг» (Отдел пропаганды), а также разные официозы, частные группы и лица, и лица духовные. На антиеврейскую агитацию «Освага» уже указывает еврейская депутация у генерала Деникина 26 июля — 8 августа (листки под названием «Рабочие, красноармейцы, всем, всем, всем»). В центре края, в Киеве, во главе «Отдела пропаганды» был поставлен старый опытный черносотенец, Савенко, известный, между прочим, по своему злостному участию в деле Бейлиса.

Для характеристики этого «Освага» достаточно привести мнение о нем его начальника и руководителя, того же К. Н. Соколова. Он констатирует «с удовольствием и гордостью», что в списках «Освага» «числилось несколько выдаю-

щихся деятелей искусства, науки и литературы» (в частности известный Э. Д. Грим, бывший ректор Петроградского Университета, помощник К. Н. Соколова; полковник Б. А. Энгельгард, б. член Государственной Думы и комендант Таврического дворца в первые дни революции). Однако он вынужден признать, что «у нас (в «Осваге») были, главным образом на местах, невежественные лодыри и «пристроившиеся» паразиты; были люди с пониженным чувством ответственности и склонностью к злоупотреблениям» (стр. 105). В частности, говоря о Савенко, как о руководителе «Освага» в Киеве, он осторожно признает, что это было «назначение, наделавшее большого шума и спорное со многих точек зрения» (ср. 174).

Нетрудно представить себе, как эти «лодыри», «склонные к злоупотреблениям», воспользовались своей почти неограниченной властью в деле «просвещения» населения и воинства, проникнутого «повально-антисемитским настроением». В воззваниях-листочках «жид» неизменно отождествляется с большевиком; на художественных плакатах Советская власть изображалась в виде кроваво-красного Троцкого в дьявольском облике, торжествующего свою кровавую победу над Россией. От этого «Отдела пропаганды» в Киеве исходит, между прочим, циркулярная депеша по разным «Освагам» (в Фастове, Лубнах, Смеле, Чернигове и других местах) с таким освещением Киевских событий в дни 14—19 октября: «Занятию Богунским красным полком частей Киева содействовало местное еврейское население, открывшее беспорядочную стрельбу по отходящим добровольцам... Боевые организации еврейских партий, стрелявшие из пу-

леметов, винтовок, бросавшие ручные гранаты, обливавшие добровольцев кипятком... По занятии Киева красные начали грабежи и погромы... Благодаря массовому участию евреев (в) наступлении (на) Киев, (а) также деятельной поддержке красных (со) стороны части местного еврейского населения. ...среди христианского населения царит с трудом сдерживаемое властями волнение» (Депеша, циркулярно, пресс-бюро 6—19 октября, № 17; расклеена во многих городах).¹ Здесь мы уже имеем перед собой не просто «еврейскую стрельбу», а целый военный заговор евреев против Добровольческой Армии. И это говорилось, широко возвещалось для всеобщего сведения в то время, когда легенда о «еврейской стрельбе» начала уже рассеиваться в самом Киеве, и когда генерал Бредов (высшая власть тогда в Киеве) призывал к «милосердию к поверженному врагу».

В иных случаях власть комбинировала свои агитационные усилия с усердием частных лиц, и в то время, когда власти открывали для обозрения «чрезвычайки», Шульгин в «Киевлянине» тыкал пальцем в еврейских палачей (№ 1 за 1919 г.), подносил евреям «искупительную чашу, которую евреи должны выпить до дна». Изюм в день «Киевлянин» вел свою ядовитую агитацию, смысл которой заключается в том, что евреи — большевики, что евреи опасны вообще для России и им остается одно: «всемирно покаяться» в своих грехах перед Россией и устроиться, иначе они бу-

¹ Экземпляр, имеющийся в архиве редакции, снят со стены в г. Остер (Черн. губ.). По явному недосмотру цензуры, эта циркулярная депеша была напечатана также в евр. газете „Ди Велт“ (Киев).

дуг устранены. В погромах, устраиваемых Добровольческой Армией, он видит ни что иное, как «пытку страхом», которую русский народ по справедливости учиняет «разрушителям» его государства. Описывая в ярких красках эту «пытку страхом», «нечеловеческие голоса» в ночной жути (цитировано нами уже выше) он не находит ни одного слова осуждения для «людей со штыками», и для их вдохновителей. Напротив, ответ должны держать евреи. «Русское население — так заканчивается эта статья — прислушивается к этим воплям... и думает свою думу: поймут ли они (евреи), что значит разрушить государство, добывать равноправие какой угодно ценой... Будет ли еврейство, бия себя в грудь и посылая пеплом главу, всенародно каяться в том, что сыны Израиля приняли такое роковое участие в большевистском бесновании?» И Шульгин предлагает сынам Израиля на выбор: либо «покаяться», т. е. дать моральную санкцию погромам, по крайней мере до момента «покаяния», либо «пытка страхом», т. е. погромы без конца. Это требование «покаяния», требование «вырвать собственными руками из своей среды всех этих евреев, которыми питались обе революции», он повторяет много раз («Киевлянин» № 38, 22 октября (5 ноября) и др.). Так знакомый уже нам метод «подвешивания» переходит из погромной практики в публицистику и политику и получает здесь идейное обоснование.

Такова погромная концепция идеолога Добровольческой Армии. И его-то газета «Киевлянин» пользуется особыми привилегиями в отношении рассылки по железным дорогам и распространения

в армии. С такой же прямотой выступает кроткий пастырь православной церкви, митрополит Антоний (в Киеве). Вот что он сам сообщает об ответе, данном им еврейской депутации, обратившейся к нему по поводу погромов: «В ответ на просьбу представителей еврейского общества выпустить воззвание с осуждением погромов я предложил им предварительно обратиться к своим единоверцам, чтобы они немедленно вышли из всех большевистских учреждений» (Интервью Митрополита Антония с сотрудником газ. «Киевское Эхо» № № 42—47 от 28 октября (10 ноября) 1919 г.).

В тон идеологам погромного дела, военным и политическим, вторят на местах практики, те многочисленные коменданты, начальники гарнизонов и т. п., от которых непосредственно зависит судьба еврейского населения: «Вы страдаете каких-нибудь 14 дней, а сколько мы от вас терпели все время. Убирайтесь вон». Таков ответ начальника гарнизона в Борисполе, полковника лейб-гвардии Карцова, еврейской депутации, пришедшей с «подношением» (30 тысяч рублей) и с мольбой приостановить двухнедельный погром. И в конце концов приходится признать, что во всей этой словесной войне против еврейского населения единственная нота прямоты и искренности принадлежит «сброду», тому простодушному казаку, который просто заявляет евреям в Богодухове: «жидов нужно резать», и на вопрос, на каком основании, откровенно заявляет: «для жидов никаких оснований не требуется».

Так протягиваются осязательные нити от военного быта Добровольческой Армии (демора-

лизованная армия, питающаяся грабежами) к ее военной программе (борьбе с большевизмом). Мостиком должен служить здесь «жид». Программа, в лучшем случае бессильная побороть быт, заключает с ним молчаливое соглашение, чтобы дать ему и взять от него то, что может оказаться выгодным для ее целей. Программа дает быту яркую окраску врага, переодетого из «хаки» в «жидовский халат», и «право 3-х дней». Погромы на «жидов» получают «идейное» оправдание в борьбе с большевизмом. Зато, выкинув быту «жидовскую» кость, она получает у быта гарантию неприкосновенности для «своего русского человека», которого нужно щадит, чтобы приобрести его симпатию или, по крайней мере, молчание.

Политическая программа Д.А. в еврейском вопросе.

Внутренняя логика вещей требовала углубления погромной идеологии. От погрома, как от частного, нужно было перейти к общему, к системе, охватывающей вопрос о «жидах» в его целом. В самом деле, слишком нелепы погромы на фоне еврейского равноправия. Разгром евреев, т. е. евреи вне закона, совершенно не мирится с положением их, как равноправных граждан, пользующихся «защитой закона» наравне со всеми. Эту ненормальность нужно было устранить: или равноправие, или погром. И на эту дилемму у Добровольческой Армии мог быть только один ответ. Мы уже видели в вышеприведенной последней выдержке из статьи Шульгина «Пытка страхом», как он связывает большевизм, равноправие и погромы. В этой концепции большевизм, т. е., по его мысли, «разрушение государства» (русского), есть ответ евреев на их бесправие и метод

«добывать равноправие какой угодно ценой». Погромы же это реакция России на этот ответ, на равноправие. И отсюда вывод: восстановление России может быть достигнуто только разрушением еврейского равноправия. Эту мысль он развивает в многочисленных статьях «Есть хорошие евреи и плохие евреи... под плохими евреями мы подразумеваем евреев, занимающихся политикой. В политике, кроме опустошительного разрушения, евреи ничего создать не могли. От хороших евреев мы желаем, чтобы они убеждали своих сыновей и братьев не заниматься политикой в России» («Киевлянин» № 63, от 21 ноября (4 декабря) 1919 г.).

Не рассчитывая, однако, на такое благоразумие со стороны «хороших евреев», Шульгин предлагает власти немедленную программу действий. «Надо заставить евреев уйти с мест, которые они могут использовать во вред возрождающемуся русскому государству. Не должно быть евреев офицеров, чиновников, судей. Надо стараться, чтобы не было евреев земских и городских гласных, а также служащих городу и земству» («Киевлянин», № 41 от 25 октября (7 ноября) 1919 г.). Нечего и говорить, что власть не медлила осуществлением программы ее идеолога, и даже в указанной последовательности, в известных случаях предвосхитив даже эту программу.

Началось с евреев-офицеров: первых допущенных добровольцев из их среды бесцеремонно выкидывали из армии, по мобилизации их не принимали. Таково было распоряжение высшего командного состава (генерала Май-Маевского и др.). В записке, представленной еврейской депутацией

генералу Деникину на приеме 26 июля (8 августа), об этом сообщается любопытный штрих: «Собранный в Харькове отряд добровольцев, на половину составленный из евреев, был послан в сводный стрелковый батальон. Под Золочевым батальон удачно выполнил боевое задание, но в тот же день евреи были откомандированы и отпущены впредь до мобилизации». В беседе с депутацией генерал Деникин заявил: «Я сделал замечание генералу Май-Маевскому, но внутренно я признавал, что иначе он не мог поступить. В конце концов я лично отдал приказ об отчислении евреев офицеров в резерв» (Причина: настроение армии против евреев). Это, однако, не мешало генералу Деникину и другим генералам мобилизовать евреев-солдат, ибо, как мы уже видели у Шульгина, опасность заключается только в офицерах, т. е. в правах, а не в солдатах, т. е. в обязанностях.

Вслед за тем идет очищение городских дум от евреев гласных. Приказ № 1 по гарнизону г. Черкасс от 4—17 августа 1919 г. за подписью генерал-майора Шифнер-Маркевича начинается следующими словами:

§ 1. «Сего числа г. Черкассы занят Кубанскими казачьими частями и присоединяется к территории Единой Неделимой России».

§ 2. «Приказываю немедленно собрать Городскую Управу в прежнем ее составе до большевистского переворота с изъятием членов большевиков и евреев».

То же происходит в Кременчуге (приказ по гарнизону № 1 генерала Оссовского) с тем отличием, что здесь исключение евреев распространено

и на гласных думы, и в объяснение «изъятия евреев» (рядом с большевиками) прибавлено: «в видах успокоения населения». Исключение евреев из городских дум и управ имеет место и в Нежине и в других городах. Евреи исключаются из списка кандидатов в Городскую Управу в Белой Церкви, в Киеве. История с исключением еврея Ладыженского из Киевской городской управы представляет собою любопытную страницу борьбы против евреев по программе Шульгина. Это длинная и сложная история вынужденной «болезни» Ладыженского, представленного в числе других кандидатов и единственно не утвержденного, «выздоровления» его и включения его в состав управы по журнальному постановлению последней, молчаливого утверждения его губернатором Чернявским, не опротестовавшим в срок упомянутого журнального постановления, и, наконец, властного вмешательства самого начальника области, генерала Драгомирова, в грозном приказе: «Члена Городской Управы Ладыженского устраняю от должности» и т. д. (Приказ от 15—28 октября 1919 г.).

Этот высокий сановник и командующий войсками области среди многочисленных государственных забот гражданского и военного управления целой областью находит, впрочем, время и для более мелких сошек. Когда из типографии штаба были уволены 2 рабочих еврея и 2 работницы еврейки и Центральное Бюро Профессиональных Союзов указало коменданту на неправоподобность подобного распоряжения, то со стороны Драгомирова последовал грозный разнос Центрального Бюро с предупреждением, что, в случае повторения такой «дерзости», Центральное Бюро бу-

дет предано военно-полевому суду (7—20 ноября 1919 г.).

Так осуществлялась программа Шульгина. Постепенно еврейское население отбрасывалось к положению бесправия, которое оно занимало в до-революционной царской России. На поверженного во прах надели кандалы. Это еще более подчеркнуло зловредную роль евреев в глазах «людей со штыками», унизило одних, подняло воинственный дух других. От положения вне закона гражданского, да еще в условиях военного быта Добровольческой Армии, один шаг к положению вне закона человеческого; последнее черпает в первом моральное и политическое оправдание. Опыт еврейского бесправия всех времен, всех стран показал это с достаточной убедительностью. Таким образом, замыкается цепь причин и следствий:

1. «совершенно оподлившимся людям», «сбро-
ду»

2. поставлена задача бороться с большевика-
ми, т. е. с «жидами» (большевики и «жиды» это
одно и то же),

4. которых закон извергает из гражданского
общества;

5. этим спасается Россия и православная цер-
ковь.

Отсюда вытекает с неумолимой неизбежностью:
«бей жидов, спасай Россию».

Борьба с
погромами.

Не было ли попыток борьбы с погромами? Формально, конечно были. Военные власти на местах могут указать на кучу приказов, в которых воспрещаются «насилия» над «мирным населением», даже еврейским, и предупреждается, что с преступниками будет поступлено по всей строгости

законов военного времени, вплоть до расстрела на месте. Достаточно, однако, ближе присмотреться к этой борьбе, чтобы оценить ее настоящее значение. Мы уже видели выше, что военные власти на местах, особенно рядовое офицерство (вплоть до полковников), участвовали в погромах наравне с солдатами и казаками, часто играли даже роль руководителей. Те из них, которые непосредственно не участвовали, получали от участников свою честную долю; «контрибуцией» же с еврейского населения за «охрану порядка», т. е. за издание «приказов», не брезгали и коменданты и начальники гарнизонов, т. е. те, от которых зависела непосредственная борьба с погромами. Вышеприведенный рассказ К. Н. Соколова о «громальных капиталах» и виденном им «поезде-гиганте с мануфактурой, сахаром и т. д.» одного «популярного военачальника» — достаточное тому свидетельство. Могли ли эти военные власти на местах искренно бороться с погромами, которые они считали целесообразными с точки зрения «самоснабжения» и «реалдоба» и в которых они, большей частью, лично были заинтересованы? Не может быть двух мнений в этом вопросе. Отсюда то лицемерие, которое сквозит во всех этих приказах, и полнейшее игнорирование их со стороны тех, для кого они были писаны. Достаточно присмотреться к истории погрома и «борьбы» с ним хотя бы в одном городе, чтобы наглядно убедиться в этом.

Город Черкассы был занят Добровольческой Армией 4—17 августа 1919 г. и в тот же день вступившие части учинили там жестокий погром, продолжавшийся 3 дня и давший около 150 уби-

тых, множество раненых, изнасилованных и т. д. Впервые местная военная власть реагирует на этот погром лишь 6—19 августа, т. е. на третий день, в приказе № 3 от того же числа коменданта города, сотника Головка. В этом приказе, среди других пунктов, имеется и пункт о погроме (§ 4), в котором сказано буквально следующее: «ко мне поступила масса жалоб, якобы казаки производят грабежи; в действительности же оказывается, что грабежом занимается местное население. Предупреждаю, что все, захваченные на месте грабежа, будут беспощадно расстреливаться». Этим с настоящих виновников погрома, казаков и офицеров, официально снимается всякая ответственность, и они, естественно, могут спокойно продолжать свое дело. Однако, после «3-х дней», когда к тому же главное дело уже сделано, погром естественно затихает, вступая в фазу знакомого нам «тихого погрома». Насилия и грабежи не прекращаются ни на один день; на еврейские квартиры идут налеты под видом «поисков оружия». Начальство снова возвращается к этому предмету, но уже в сильно сбавленном тоне. В приказе № 1 от 8—21 августа нового коменданта города, поручика Васильева, об этом среди прочего, говорится следующее: «§ 4. Самочинные обыски категорически воспрещены. С нарушителями сего параграфа будет поступлено, как с грабителями. § 5. Начальнику городской стражи прошу оказывать широкое содействие по борьбе с грабителями и прочими бандитами, которых задерживать и препровождать ко мне».

Этот приказ, очевидно, оказывается не более убедительным, чем два, предшествовавших ему,

и уже на следующий день военное начальство, на этот раз начальник гарнизона, капитан Яковлев, снова возвращается к этому предмету, но уже не с угрозами по адресу погромщиков, а с укором и обвинением по адресу погромленных: «Мною, говорится, между прочим, в этом приказе, уже отдано распоряжение населению, чтобы оно сдавало оружие, казенное обмундирование, казенные вещи. Вместо того, чтобы сделать это сразу, ... оружие и имущество, наоборот, прячут, и тем невольно вызывают меры обысков в квартирах» (Приказ № 2 по гарнизону г. Черкасс, от 9—22 августа).

После такого открытого оправдания «совершающих обыски», т. е. погромщиков, последним, ясно, нечего стесняться. И делается это так, что начальство, на этот раз новый начальник гарнизона, капитан Шимкевич, уже через несколько дней вынужден прибегнуть к сильным выражениям: «Добровольческая Армия, говорится в его прокламации, ... изгоняя большевиков, этих гнусных грабителей и насильников, несет с собою спокойствие и безопасность для всех граждан без различия национальностей. Между тем до моего сведения дошло, что в некоторых районах города производятся налеты и грабежи... Я, начальник гарнизона г. Черкасс, желая в корне пресечь эти большевистские замашки, довожу до сведения населения, что мною приняты самые энергичные меры к охране личной безопасности и имущества граждан. Лица, задержанные на месте преступления, будут беспощадно расстреливаться» («Объявление» от 13—26 августа).

Насколько были убедительны эти энергичные

выражения, как и «принятые меры», видно из того, что «тихий» погром не прекращается, и через некоторое время комендант города, гвардии полковник Христофоров, снова возвращается к этому предмету. Не полагаясь, очевидно, на свой авторитет, он привлекает к борьбе с дерманентным погромом приказ начальника района, генерала Слащева, изданный по поводу борьбы с «Махновщиной» и крестьянскими восстаниями вообще. В этом приказе говорится, между прочим:

...«Мне приказано дать населению возможность жить спокойно, и я это выполню. На зверства над мирными гражданами отвечу тем же... Полумер от меня не ждите...» (Приказ № 19 от 30 октября (12 ноября) по г. Черкассy.)

Не действует, однако, и окрик грозного генерала. К тому же дело подходит к развязке, Добровольческая Армия начинает отступать по всей линии фронта, и погром снова принимает резкие формы массовых грабежей и убийств. И тот же Христофоров, на этот раз начальник Черкасского тылового района, спустя месяц, снова заговаривает о том же и угрожает (в который раз?) «расстрелом на месте». «В последние дни, говорится в его приказе, наблюдаются массовые грабежи, преимущественно еврейского населения, людьми, одетыми в военную форму Добровольческой Армии. Глубоко убежден, что эти грабители не принадлежат к составу Добровольческой Армии... а это есть обыкновенные бандиты грабители, переодевающиеся в военную форму, с провокационной целью наложить пятно на честных борцов Добровольческой Армии. А потому приказываю...

беспощадно расстреливать на месте преступления» (приказ № 20 от 27 ноября — 10 декабря).

Христофоров обещает еще в этом приказе «о всех расстрелянных опубликовать во всеобщее сведение». Списков расстрелянных никто не видал. И это немудрено, ибо истинная цель приказа совершенно очевидна: обелить настоящих виновников, своих казаков и офицеров, и взвалить вину на большевиков, т. е. по понятиям Добровольческой Армии, на евреев же; прием знакомый уже нам по г. Нежину (см. выше) и др. местам.

Обзор этих приказов, которые с небольшими вариациями повторяются почти повсюду, не может не убедить в том, что издаются они местной военной властью с целью: 1. обелить настоящих виновников, т. е. армию (попутно также дискредитировать большевиков), 2. сохранить приличие перед высшим начальством и 3. удовлетворить евреев за «контрибуцию».

Таковы были меры борьбы с погромами местных военных властей.

А высшее командование? Высший командный состав не мог не понимать того, что предвидел Шульгин, а именно, что «такая армия недолговечна» (вышесцитированная статья «Две армии»), что погромы деморализуют бьющих не меньше, чем битых. В этом смысле борьба с погромами диктовалась простым чувством самосохранения. Но прежде всего необходимо установить осведомленность высшей власти. Мы уже видели, что о погромах докладывала генералу Деникину еврейская депутация 26-го июля (8 августа), и любопытно, что генерал при этом заметил депутации: «об этих эксцессах мне известно больше, чем вам.» Не-

сколько раньше, а именно 20-го июля (2-го августа) на погромы обращено внимание Деникина, и власти вообще, в резолюции, принятой на областной конференции Трудовой Народно-Социалистической партии в Ростове н-Д. 13—26 сентября Главным Украинским Комитетом «Союза Возрождения России» послан Деникину обстоятельный доклад о погромах и о мерах борьбы с ними вместе со сводкой фактических материалов о погромах в ряде пунктов. 3-го октября о том же послана Деникину крайне тревожная телеграмма от имени трех организаций: «Национального Центра», «Союза Возрождения» и «Национального Об'единения России», трех столпов политического «Особого Сопещения» при Деникине. В конце октября на ту же тему беседовал с Деникиным проф. Одинец, председатель Киевского Областного Комитета «Союза Возрождения России». Еще в большей мере информировали о погромах разных главноначальствующих, командующих генералов и т. д. (Драгомирова, Май-Маевского, Бредова и др.) депутациями, записками, прошениями пострадавших и т. д. Словом, высшие власти были отлично осведомлены о положении дела.

Нельзя сказать, чтобы они не принимали мер. Были приказы о недопущении погромов. И тем не менее эта официальная борьба с погромами не имела никакого успеха. Больше того, над этой борьбой открыто издевались. В Киеве, например, нашелся чудак, помощник пристава Подольской части, Скороход, который, видимо, принял в серьез цитированный уже нами приказ Бредова от 5—18 октября, и вот что он сообщает о своих приключениях в официальном рапорте приставу (от

6—19 октября): 5—18 октября он застиг 4-х вооруженных солдат на месте преступления, при вооруженном нападении на квартиру Лейзера Мошинского (Верхний Вал, 32); ему удалось задержать 3-х из них с «вещественными доказательствами»; дознания, однако, ему не удалось приизвести: получились грозные сведения, что на выручку товарищей идут «большие силы» их воинской части. В виду этого Скороход сдал задержанных коменданту со всем материалом о них. После этого он узнал, что арестованные были вскоре освобождены. Скороход жалуется, что при таких условиях государственная стража совершенно бессильна бороться с вооруженными нападениями воинских частей, принимающими массовый характер, и заканчивает свой рапорт следующим сообщением: «Помощник коменданта конфиденциально в виде совета сказал мне, что задержание воинских чинов может вызвать неприятные для стражи эксцессы и рекомендовал от этого воздержаться». ¹ Таково было положение в Киеве на глазах у генерала Бредова. Каково же должно было быть положение в провинции, где все эти коменданты, начальники гарнизонов и т. д. часто сами руководили погромом, или в лучшем случае только делились награвленным с казаками? И действительно: там мы уже имеем дело не с угрозой по адресу государственной стражи, а с расправой. В Прилуках, например, во время погрома стража задержала 4-х солдат, но командир Семеновского полка прибыл в государственную стражу, избил

¹ Аналогичный рапорт представил по начальству пристав 2-го стана А. М. Чубенко в Белой Церкви.

секретаря стражи и освободил солдат с награбленным имуществом.

Чем же об'яснить полную неудачу этой борьбы с погромами?

Для действительности такой борьбы, при условиях военного быта Добровольческой Армии необходим был ряд условий, и прежде всего элементарная искренность высшего командования. Из мер, принятых высшим командованием, казачество и рядовое офицерство должно было вынести убеждение в том, что начальство искренно считает погромы по существу своему явлением позорным и недопустимым, независимо от всяких сторонних целей и побуждений. Для того же, чтобы у высшего командования могла быть такая искренность, необходимо было, чтобы оно, по крайней мере, смотрело на евреев, как на равноправных граждан, как на органическую часть всего населения, которая так же, как это последнее, в праве иметь в своей среде и большевиков (если большевизм составляет «преступление» на взгляд Добровольческой Армии), нисколько не отвечая за них по средневековому способу круговой поруки. Мог ли быть у высшего командования такой взгляд на еврейское население? Очевидно нет, ибо мы имеем здесь дело с теми же самыми царскими генералами, которые воспитывались на юдофобии и на еврейском бесправии, которые в продолжение предшествующих 4-х лет мировой войны привыкли огульно обвинять евреев в предательстве, в шпионаже, вешать и заводить процессы против сотен евреев, бессовестно обвиняемых в «измене» (процесс Гершановича в Мариамполе, дело о с. Кужи, Ков. губ., и т. д.), и изгонять в

24 часа из ближнего тыла сплошь все еврейское население десятками тысяч с той жестокостью, какая вряд ли применялась даже по отношению к гражданам враждебных стран (изгнание, например, всего евр. населения Ковенской, отчасти Сувальской губ. 5-го мая 1915 г.). Ряд фактов, отчасти уже приведенных выше, определенно указывает на то, что это их отношение к еврейскому населению нисколько не изменилось. Даже методы «воздействия» остались те же. Мы уже видели, что начала Добровольческая Армия с взятия заложников с еврейского населения (Валки, Харьковской губ. 18—19 июня (1—2 июля), как это делалось в Польше и Литве в 1914—1915 г.), и в дальнейшем была усиленно занята вытеснением евреев из всех сфер государственной и общественной жизни, созданием для них исключительного режима бесправия и унижения (недопущение в армию евреев-офицеров, даже врачей (Киев), удаление евреев из городских дум, даже из военно-промышленных комитетов, удаление евреев-рабочих из казенных предприятий и т. д.). Это делала высшая власть; каково же должно было быть впечатление от таких действий на казачество и рядовое офицерство, у которых были еще кроме того свои личные основания, прямая корыстная заинтересованность в объявлении евреев «большевиками», «врагами России»? Могли ли военные громилы в Киеве смотреть на известный уже нам приказ Бредова (от 5—18 октября), как на искреннее и серьезное стремление последнего прекратить погром, когда в том же приказе Киевское еврейство объявлялось «поверженным врагом», в отношении к которому подобает «милосердие»?

Искренности не было. По существу не было никакого расхождения во взглядах на еврейское население между громилами и теми, которые призваны были унимать их. Генералы, как плохие дипломаты, не сумели даже скрыть своих истинных побуждений в борьбе (словесной) с погромами: — это боязнь иностранцев. На нас смотрит Антанта, от которой зависит все наше снабжение, финансирование, урегулирование сложных международных отношений с окранными государствами и т. д. Какое впечатление произведут там погромы? Таков был основной мотив разных генералов Шкуро, Бредовых и т. п. во всех их словесных заявлениях о недопустимости погромов. Об этом говорил и верховный вождь Добровольческой Армии, генерал Деникин. «Да, там американцы», отвечает он известной уже нам еврейской депутации 26 июля (8 августа), когда последняя просит его издать декларацию об эксцессах и о еврейском вопросе вообще и ссылается при этом на декларацию адмирала Колчака в Сибири: «считаю декларацию ненужной». Что скажут наши западные друзья, — таков основной мотив генералов, в условиях военной диктатуры делающих одновременно и политику, вынужденных принимать у себя английского генерала Бригса, американского — Джадвина (из американской миссии Моргентаву) и, повидимому, отчитываться перед ними. Мы уже видели выше со слов К. Н. Соколова, что либеральные декларации предназначались «для экспорта». Казачество и рядовое офицерство отлично понимали поэтому дух строгих начальнических приказов, и, не смущаясь ими, делали свое дело, предоставляя начальству изво-

рачиваться перед «друзьями». Тем более, что этих друзей можно было пытаться просветить насчет сплошного большевизма евреев при помощи сведений своего же «Освага» о «еврейской стрельбе» в Новом-Мглине, Киеве и др. местах, о еврейских «комиссарах», сфабрикованных из крупных «буржуев» (в Юзовке, заявление еврейской депутации Деникину), о «еврейских красных legionах», которые невозможно же на самом деле показывать живыми с оружием «друзьям», и т. д. И нужно сказать, что «друзья», повидимому, верили, или, по крайней мере, делали вид, что верят...

Этим основным пороком — неискренностью — борьбы с погромами со стороны высших военных властей объясняется также трогательная кротость самых мер борьбы. За все время известен только один громкий случай устранения от поста генералом Май-Маевским другого генерала, Хазова, командира 2-ой Терской Пластунской бригады, за разгром последней еврейских лавок в Смеле (опубликованный приказ № 325 от 11—24 августа). Май-Маевский здесь значительно умалил погромную славу названной бригады: еще раньше она разгромила Черкассы, в самой же Смеле она еще больше проявила себя в массовом изнасиловании еврейских девушек и женщин и в убийствах. Кроткая мера генерала Май-Маевского не помешала также этой же бригаде разгромить потом еврейское население в Корсуні, Белой Церкви и покрыть себя неувядаемой славой резней в Фастове (на сей раз под начальством Белогорцева), затмившей даже исключительное погромное прошлое Добровольческой Армии (не меньше 600 убитых и сожженных евреев за 3 дня). Из по-

лучивших более или менее известность мер высших властей против погромов нужно еще указать на несколько случаев военно-полевого суда, по приказу генерала Драгомирова, над единичными офицерами, проявившими себя в особенно наглых грабежах после погрома 17—20 октября («законных 3 дня») в Киеве. Известен еще один случай, вернее, комедия военно-полевого суда над военными громилами в г. Томашполе (Под. губ.) в начале погромной деятельности Добровольческой Армии. В этот город вступил в сентябре 1919 г. 2-ой конный Кубанский Лабинский полк и учинил погром, длившийся 5 дней. Депутация из двух русских отправилась на ближайшую железнодорожную станцию — Валнярку, и принесла жалобу генералу Розеншильд фон-Паулину. Тот снарядил в Томашполь военно-полевой суд. По прибытии суда командир Лабинского полка пригласил к себе евреев и потребовал у них удостоверения в том, что полк никаких насилий над ними не чинил. Сам председатель суда частным образом советовал евреям не очень обвинять добровольцев и, вообще, быть осторожными в показаниях. В день суда казаки открыли стрельбу по евреям свидетелям, идущим в волость (место заседания суда), с криками: «жид, ворочайся, убьем». Большинство свидетелей и пострадавших разбежалось, и перед судом фигурировала лишь небольшая группа смельчаков в 15—20 человек. По окончании суда председатель частным образом сообщил, что несколько громил приговорено к смертной казни, которая, однако, будет приведена в исполнение в Валнярке, а не в Томашполе, во избежание осложнений с полком. Состоялся ли такой приго-

вор и был ли он приведен в исполнение, об этом официально ничего неизвестно. Зато жители Томашполя могли наблюдать такое зрелище: суд производит обыск в казачьих повозках, до верха наполненных награбленным добром. При первой попытке такого обыска казаки из дворов и с соседних улиц открывают стрельбу. Суд поспешно удаляется и больше таких попыток уже не предпринимает.

Но как уже сказано, мы имеем здесь дело с единичными, считанными явлениями. Это подтверждает также К. Н. Соколов в своих замечаниях о «реалдобе» или «откровенном грабеже Добровольческой Армии на фронте». «Сознание безнаказанности разнуздывало зверя, воспитанного часто в очень мирном и благодушном человеке месяцами кровавой войны... С этим злом велась порой борьба, то там, то здесь грабители в военной форме подвергались смертной казни... Но это были сравнительно редкие исключения. Правилом было беспрепятственное и систематическое ограбление жителей, в котором принимали участие лица разных рангов и положений» (стр. 193). К. Н. Соколов только скромно умалчивает здесь, что ограбленное «население» в городах и местечках было почти исключительно еврейское. В подавляющем же большинстве случаев все меры борьбы сводились к заявлениям, приказам и увещаниям. Эта антипогромная словесность, чем чаще повторялась из одних и тех же уст, тем более она теряла в своей убедительности для тех, кого она имела в виду: те, занимавшиеся делом, а не словом, знали по опыту предшествовавших

приказов, что грозен приказ, да милостиво начальство: не выдаст.

Многие склонны были приписывать особенное значение приказу самого диктатора, генерала Деникина, если бы такой приказ был издан. Об этом пресила его еврейская депутация (26 июля — 8 августа); на этом же среди других мер настаивал «Союз Возрождения» в записке о погромах, посланной Деникину 13—26 сентября, и 3 организации («Союз Возрождения», «Национальный Центр» и «Национальное Об'единение») в своей полной отчаяния телеграмме от 3 октября. Долго, повидимому, колебался генерал, и, наконец, 25 сентября (8 октября) разразился следующим распоряжением командующему войсками Киевской области: «Ко мне поступают сведения о насилиях, чинимых армиями над евреями. Требую принятия решительных мер к прекращению этого явления, применяя суровые наказания к виновным» (напечатано в Киевских газетах). «Поступают сведения» — так говорит генерал Деникин после того, что ему уже 2 месяца назад было известно о погромах по сообщению еврейской депутации, после того, как он сам заявил этой депутации: «об этих эксцессах мне известно больше, чем вам». Каково же было распространение этих трех строк для общего сведения и влияние их на армии «чинящих насилия»? Лучшим ответом на этот вопрос является дальнейшая хроника погромов, не прекращающихся после этого ни на один день, в частности, погром в относительно пощаженном до тех пор Киеве 17—20 октября на глазах у высших военных и гражданских властей.

Как «Союз Возрождения» отдельно, так и три

вышеназванные организации вместе, чрезвычайно встревоженные, между прочим, «тяжелым ударом, нанесенным (погромами) нашему делу в общественном мнении союзных стран», указывали на необходимость, кроме приказа, еще следующих мер:

1. назначения верховной следственной комиссии и
2. предания суду виновных.

Был ли диктатор Деникин, не говоря уже о других генералах, в состоянии осуществить такую более убедительную антипогромную программу, даже при желании? Ответ на этот вопрос находим в меланхолически оброненной им фразе: «Слава Богу, если мои боевые приказы исполняются. Желать же сейчас при данном составе и моральном уровне армии большего, невозможно». Это было сказано еврейской депутации 26 июля (8 августа), указавшей ему на «чудо» создания армии и просившей его издать приказ, который «заставит офицерство считаться с его словами». Диктатор, конечно, лучше знал свою армию и своих офицеров. Раз выпустив «сброд», зверя, теряешь над ним волю и тем больше, чем дальше идет «освобождение» России, освобождение евреев от бремени имущества и жизни, еврейских женщин и девушек от чести.

Впрочем был момент, когда генерал Деникин понял всю серьезность положения и опасность, которую погромная вакханалия несет с собою для самой же армии. И тогда он нашел в себе мужество сказать армии правду, нашел также соответствующий язык: «Недавно мы были у Орла, но ряд тяжких ошибок привел нас вновь на Кубань. Теперь, когда мы накануне решительного наступления, нам нужна победа над собою. Пусть помнит каждый, что одной из причин крушения

фронта и развала, тыла были насилия и грабежи... Если начальники не возьмутся сразу за искоренение зла, то новое наступление будет бесполезно. Требую жесточайших мер, до смертной казни включительно, против всех, творящих грабеж и насилие, и против всех попустителей, какое бы высокое положение они ни занимали». Но было уже поздно! Это было сказано 23 января 1920 г. (в приказе на ст. Тихорецкой) в момент агонии Добровольческой Армии. Генерал переоценил шансы нового наступления. Крушение и развал «Грармии», как называли Добровольческую Армию на Украине, были полные. На два дня, 7—8 февраля, Добровольческой Армии удалось снова захватить Ростов, а затем она покатилась обратно, и к концу месяца остатки ее были опрокинуты в море.

Но как бы ни относиться к мерам борьбы с погромами со стороны высшего командования Добровольческой Армии, остается разительный, неумолимый факт: в то время, как от погромов Петлюровских частей, в которых также были скомпрометированы низшие и высшие атаманы, осталась по крайней мере одна официальная следственная комиссия (местная, в Житомире), мы за все время погромной работы Добровольческой Армии (восемь месяцев) не имели ни одной такой комиссии. Следственная энергия властей, как мы уже видели, направлена исключительно на «еврейскую стрельбу» (комиссия сенатора Гуляева в Киеве). На честную прессу надели намордник; напр., от редактора (Черновица) газ. «Ди велт» 23-го сентября (6-го октября) властями отобрана подписка «ни-

каких статей о погромах и налетах, совершенных лицами в военной и солдатской форме, в газете не пропускать». Над деяниями Добровольческой Армии опустили плотную завесу; туда, как думали, никому не дано проникнуть. Что бы еще открыла приподнятая завеса?

Список погромленных пунктов, о которых имеются сведения.

1. Авдеевка, Екатерин. губ.
2. Бадиевка, Подольск. губ.
3. Байбусы (село), Киевск. губ.
4. Батурин, Черниговск. губ.
5. Бобровицы, Черниговск. губ.
6. Богуслав, Киевск. губ.
7. Богодухов, Харьковск. губ.
8. Борзна, Черниговск. губ.
9. Борисполь, Полтавск. губ.
10. Боярка, Киевск. губ.
11. Белая Церковь, Киевск. губ.
12. Белиловка, Киевск. губ.
13. Валки, Харьковск. губ.
14. Васильков, Киевск. губ.
15. Вербка, Подольск. губ.
16. Волчанск, Харьковск. губ.
17. Германовка, Киевск. губ.
18. Гоголево, Черниговск. губ.
19. Головенка (дер.), Черн. губ.
20. Городище, Киевск. губ.
21. Гостомель, Киевск. губ.
22. Гребенка, Полтавск. губ.
23. Джурин, Подольск. губ.
24. Дремайловка, Черн. губ.
25. Дымер, Киевск. губ.
26. Екатеринослав
27. Енакиево, Екатерин. губ.
28. Замехов, Подольск. губ.
29. Золотоноша, Киевск. губ.
30. Игнатовка, Киевск. губ.
31. Кагарлык, Киевск. губ.
32. Капюс, Подольск. губ.
33. Каменка, Киевск. губ.
34. Каменское, близ Екатерин.
35. Канев, Киевск. губ.
36. Киев
37. Кобище, Черн. губ.
38. Кодлубицкая (евр. кол.),
Киевск. губ.
39. Козин, Киевск. губ.
40. Колибалод, Херсонск. губ.
41. Конотоп, Черн. губ.
42. Корнин, Киевск. губ.
43. Корсунь, Киевск. губ.
44. Кременчуг, Полтавск. губ.
45. Кривое озеро, Под. губ.
46. Куриловцы
47. Купянск, Харьковск. губ.
48. Лозовая, Екатерин. губ.
49. Лучинец, Подольск. губ.
50. Макаров, Киевск. губ.
51. Межиричи, Киевск. губ.
52. Михайловка, Екатерин. губ.
53. Могилев-Подольск.
54. Монастырище, Киевск. губ.
55. Мошны, Киевск. губ.
56. Мясковка, Подольск. губ.
57. Ново-Архангельск, Херсон.
губ.
58. Новый Мглин, Черн. губ.
59. Носовка, Черн. губ.
60. Нежин, Черн. губ.
61. Обухов, Киевск. губ.
62. Ольшаница, Киевск. губ.

63. Орловец, Киевск. губ.	86. Тальное, Киевск. губ.
64. Остер, Черн. губ.	87. Тараща, Киевск. губ.
65. Охримово, Киевск. губ.	88. Тетиев, Киевск. губ.
66. Паволочь, Киевск. губ.	89. Томашполь, Под. губ.
67. Погребище, Киевск. губ.	90. Триполье, Киевск. губ.
68. Полтава	91. Трилеса (евр. кол. Фаст. уезда), Киевск. губ.
69. Попельня, Киевск. губ.	92. Тростянец (бл. ст. Смородино) под. г.
70. Прилуки, Полт. губ.	93. Фастов, Киевск. губ.
71. Пуца-Водица, Киевск. губ.	94. Харьков
72. Пятигорье, Киевск. губ.	95. Ходорков, Киевск. губ.
73. Ракитно, Киевск. губ.	96. Хорол, Полт. губ.
74. Рожев (кол.), Киевск. губ.	97. Червленикая (евр. кол. Фаст. уезда) Киевск. губ.
75. Россавя, Киевск. губ.	98. Черкассы, Киевск. губ.
76. Рыжановка, Киевск. губ.	99. Чернигов
77. Рыкунь (евр. кол.), Киевск. губ.	100. Шаргород, Под. губ.
78. Саврань, Под. губ.	101. Шибенное (село), Киевск. губ.
79. Святошино, Киевск. губ.	102. Яблоново, Полт. губ.
80. Синельниково, Екатер. губ.	103. Ядруга, Под. губ.
81. Смела, Киевск. губ.	104. Ямполь, Под. губ.
82. Ставище, Киевск. губ.	105. Яновка, Киевск. губ.
83. Степанцы, Киевск. губ.	
84. Потоки (село), Киевск. губ.	
85. Таганча, Киевск. губ.	

Оглавление.

	Стр.
ПРЕДИСЛОВИЕ	V
Источники	XIV
ГЛАВА I. Положение еврейского населения на Украине до ваятия страны Добровольче- ской Армией. — Анархия и погромы. Экономиче- ский погром. Надежды на Добровольческую Армию.	1
ГЛАВА II. Канун погрома. Погром. — Погромный путь. Нарастание и падение погромной волны. Типы погромов. Заложники. Встреча Доброволь- ческой Армии с еврейским населением. Погром.	8
ГЛАВА III. Особенности добровольческих по- громов. — Военный характер погромов. Отношение местного населения. Массовое изнасилование жен- щин. Жестокости и пытки. Опустошение еврей- ских общин. Офицеры. Легальный грабеж, кон- трибуция. Самооборона	23
ГЛАВА IV. Причины погромов. Погромы, как часть военной и политической программы. Отношение высшего командования. — По- воды к погромам. Добровольческая Армия; состав; снабжение. Идеология; социальная и полити- ческая программа. Погромная агитация. Полити- ческая программа Добровольческой Армии в еврейском вопросе. Борьба с погромами	44
Список погромленных пунктов	94

2,79(1986)

Р
1 5597

30.546

Н. И. ШТИФ

ПОГРОМЫ НА УКРАИНЕ

(ПЕРИОД ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ)

БЕРЛИН 1922